

Жорж Сименон

Мегрэ ошибается

<http://book.zehinli.info>

ГЛАВА I

Часы показывали двадцать пять минут девятого, когда Мегрэ, допив чашку кофе, поднялся из-за стола. Хотя на дворе был еще только ноябрь, в комнате горел свет. Стоя у окна, мадам Мегрэ пыталась сквозь туман рассмотреть спешивших на работу прохожих.

Тебе бы стоило потеплее одеться, - сказала она. Сейчас я дам тебе пальто.

Когда зазвонил телефон, Мегрэ еще держал в руке чашку. Поднимая трубку, он, в свою очередь, глянул в окно. Дома напротив были почти невидимы в желтоватом тумане, опустившемся ночью на улицы города.

- Алло! Комиссар Мегрэ? Это Дюпе из квартала Терн.

Удивительно, что звонил именно комиссар Дюпе, пожалуй, во всем городе было трудно найти человека, столь гармонирующего с этим туманным, сырым утром. Дюпе был комиссаром полиции на улице Этуаль. Он был косоглазым, как и его жена. Говорили, что три его дочери, которых Мегрэ не знал, были тоже косоглазые. Дюпе был необыкновенно добросовестным служакой. Он был настолько старателен, что буквально заболел от сознания невыполненного долга. Все, с чем он сталкивался, становилось мрачным и, хотя все знали, что это прекрасный человек, под любым предлогом старались избегать его общества. Не говоря уже о том, что зимой и летом он постоянно ходил с насморком.

- Извините, что я звоню вам домой, но я полагал, что вы еще не ушли, и я подумал...

Оставалось ждать, пока Дюпе выговорится. У него была постоянная потребность объяснять, почему он делает то или это, словно он был в чем-то виноват - Я знаю, что вы всегда любите лично осматривать место происшествия.

Возможно, что я ошибаюсь, но у меня такое впечатление, что дело довольно необычное. Правда, я почти еще ничего не знаю. Я только что прибыл на место - Мадам Мегрэ стояла тут же с пальто в руках, комиссар тихо шепнул ей:

- Это Дюпе.

А тот продолжал своим монотонным голосом:

- Я пришел в комиссариат, как обычно, в восемь часов и как раз просматривал утреннюю почту, когда в семь минут девятого позвонила какая-то уборщица. Она нашла тело, когда вошла в квартиру на авеню Карно. А поскольку это в двух шагах от нас, мы с помощником сразу же помчались туда.

- Убийство?
- Смахивает на самоубийство, но я подозреваю, что это преступление.
- Кто убит?
- Некая Луиза Филон, я никогда о ней не слышал. Молодая женщина.
- Я сейчас приеду.

Широкие аллеи, расходящиеся от площади Этуаль, были совершенно пустынно. Лишь кое-где мусорщики очищали уличные урны. В большинстве окон шторы были еще задернуты, и лишь из-за нескольких пробивался свет.

Перед домом на авеню Карно дежурил полицейский в пелерине.

- Какой этаж? - спросил Мегрэ.
- Четвертый.

...Комиссар вошел в подъезд. Медная кнопка звонка была начищена до блеска. В комнате консьержки горел свет. Женщина взглянула на комиссара сквозь стекло в двери, но не двинулась с места. Лифт поднимался бесшумно, как и во всех комфортабельных домах. Навощенная дубовая лестница была устлана дорожкой красного цвета.

На четвертом этаже Мегрэ вышел из лифта и в нерешительности остановился перед тремя дверями. Почти сразу же раскрылась дверь с левой стороны. На пороге стоял Дюпе, как и ожидал комиссар, нос у него был покрасневшим.

- Прошу вас, входите. На всякий случай мы ничего тут не трогали, ждали вас. Я даже не допрашивал уборщицу.

Миновав прихожую, где находились лишь вешалка и два стула, они вошли в освещенную комнату.

- Уборщицу-то и удивило, что в комнате горит свет, - сказал Дюпе.

На желтой софе, в самом ее углу, сидела в странной скрюченной позе молодая темноволосая женщина. На ее халате расплылось темно-красное пятно.

- Стреляли сзади, в голову, с очень близкого расстояния. Видите, она даже не упала.
- Где уборщица?

- На кухне. Попросила разрешения сварить себе кофе. Пришла она сюда, как утверждает, в свое обычное время - в восемь утра. Ключ от квартиры у нее есть. Вошла, увидела труп и сразу позвонила в полицию. Говорит, что ничего не трогала.

Лишь только теперь Мегрэ понял, что его поразило во всей этой истории. Обычно на месте происшествия его встречала толпа зевак, да и жильцы дома толпились на лестничной клетке. А тут все происходило совершенно спокойно, словно ничего и не случилось.

- Кухня там?

Дверь в кухню, находившуюся в конце коридора, была открыта.

Темноволосая и темноглазая женщина, одетая в черное платье, сидела у газовой плиты и пила кофе, дуя в чашку, чтобы остудить напиток.

Мегрэ показалось, что он с ней уже где-то встречался. Нахмутив брови, комиссар внимательно приглядывался к женщине. Но та спокойно выдержала его взгляд, продолжая пить кофе. Она была такой маленькой, что, сидя на стуле, едва доставала ногами до пола. Обувь и одежду она носила явно не по размеру - платье болталось на ней как на вешалке.

- Мне кажется, что мы с вами встречались, - произнес Мегрэ.
- Вполне возможно, - произнесла женщина, не моргнув и глазом.
- Как ваше имя?

- Дезире Броль.

Имя Дезире напомнило ему об одном старом деле.

- Не вас ли когда-то судили за кражи в универмагах?

- И за это судили.

- А еще за что?

- Ну... всего ведь не упомнишь!

Страха на ее лице не было, оно вообще ничего не выражало. Мегрэ заметил, что женщина присматривается к нему. Она отвечала на его вопросы, но о чем думала на самом деле - угадать было невозможно.

- В тюрьме вы сидели?

- В моем досье в полиции все указано.

- За проституцию?

- А что в этом плохого?

Судя по ее возрасту, все это было довольно давно. Сейчас ей можно было бы дать лет шестьдесят, а ее волосы не то что поседели, а стали настолько редкими, что сквозь них просвечивала кожа черепа. Вся она была какой-то высохшей.

- Давно вы здесь работаете?

- Через месяц исполнится год...

- Вы работаете полный день?

- Нет. С восьми утра до двенадцати.

Кофе пахло так аппетитно, что Мегрэ не удержался и налил себе чашечку. Комиссар Дюпе робко стоял в дверях.

- Не желаете ли, Дюпе?

- Спасибо. Еще и часа не прошло, как я позавтракал. Дезире Броль встала и налила себе вторую чашку.

- Вы работаете еще где-нибудь?

- Еще в паре мест, но в другие дни.

- Вы живете одна? - Нет, с мужем. - Он тоже отсидел?

- Он никогда не сидел.

- Не работает?

- За пятнадцать лет он ни дня не проработал, а дома далее гвоздя в стенку не вбил.

Она говорила это ровным голосом, в котором не чувствовалось горечи, но в нем не было и иронии.

- Что произошло здесь утром? Она кивнула в сторону Дюпе:

- Разве он вам не говорил? Ну, ладно, я пришла сюда в восемь часов...

- Где вы живете?

- Возле площади Клиши. Я приехала на метро, открыла дверь своим ключом и тут заметила, что в гостиной горит свет.

- Дверь в гостиную была открыта? Чет.

Хозяйка квартиры обычно спала, когда вы приходили? Она вставала около десяти, а иногда и позднее. - И чем она занималась? - Ничем.

- Что же было потом?

- Я толкнула дверь гостиной и увидела ее.

- Вы к ней не прикасались?

- Это было совершенно ни к чему, и без того я поняла, что она мертва.

Вы разве видели когда-нибудь, чтобы человек просто отдыхал с разможженным черепом?

- Что было потом?

- Я позвонила в полицию.

- И не стали сообщать ни соседям, ни консьержке?

- Стоило ли беспокоить людей?

- А чем вы занимались, позвонив в полицию?

- Ждала вас.

- А во время ожидания что вы делали?

- Ничего.

Ее простодушие было просто потрясающим.

- Вы уверены, что ни до чего не дотрагивались?

- Абсолютно уверена.

- Револьвера вы не нашли?

- Я ничего не нашла.

- Мы осмотрели все, но оружия не нашли, - вмешался комиссар Дюпе.

- У Луизы Филон был револьвер?

- Если и был, я его не видела.

- В квартире что-нибудь запирается на ключ?

- Нет.

- Полагаю, вам известно, что находится в ящиках шкафов?

- Да.

- И вы никогда не видели оружия?

- Никогда.

- Скажите, Луиза Филон знала, что вы сидели в тюрьме?

- Я ей все рассказала.

- Это не отпугнуло ее?

- Скорее, развеселило. Не знаю, сидела ли она, но это не исключено.

- Что вы хотите этим сказать?

- А то, что прежде чем поселиться здесь, она была проституткой.

- Откуда вам это известно?

- Она мне сказала. Да если бы и не говорила ничего...

На лестничной площадке послышались шаги, и Дюпе пошел открыть дверь.

Это был Моэрс со своими сотрудниками и необходимой аппаратурой.

- Подожди минутку. Я сейчас закончу, а ты пока позвони прокурору, - сказал Мегрэ Моэрсу.

- Как вы думаете, кто мог убить вашу хозяйку Луизу Филон? - продолжил допрос Мегрэ.

- Понятия не имею.

- Гости у нее бывали?

- Я никогда никого не видела, кроме разве что врача из нашего квартала, да и то один раз, когда у нее был бронхит. Правда, я работаю только до полудня.

- Вы знаете кого-нибудь из ее знакомых?

- Единственное, что я знаю, так это то, что в шкафу находятся мужской халат и домашние туфли. Кроме того, там лежит коробка сигар, а она их не курит.

- Вы знаете, кто этот мужчина?

- Я никогда его не видела.

- И как его зовут не знаете? Он никогда не звонил сюда в вашем присутствии?

- Несколько раз звонил.

- Как Луиза Филон обращалась к нему?

- Пьеро.

- Она была у кого-то на содержании?

- Кто-то же должен был платить за квартиру и все остальное, не так ли?

Мегрэ поднялся из-за стола, поставил чашку и набил трубку табаком.

- А что мне теперь делать? - спросила домработница.

- Ничего. Но вам придется еще побыть здесь.

Он вернулся в салон, где люди Моэrsa ждали его распоряжения. В помещении царил порядок. В пепельнице, стоящей рядом с софой, Мегрэ обнаружил пепел от сигарет и три окурка. На двух из них имелись следы губной помады.

Сквозь полуоткрытую дверь, ведущую в спальню, Мегрэ с некоторым удивлением заметил, что постель смята, словно кто-то на ней спал.

- Врача еще нет?

- Его нет дома. Жена разыскивает его по телефону у пациентов.

Мегрэ заглянул в шкафы, выдвинул ящики стола. Одежда и белье молодой женщины были не из дорогих, к тому же не свидетельствовали о ее вкусе.

Для обитательницы дома на авеню Карно это было несколько неожиданно.

- Займись отпечатками пальцев и всем остальным, Моэрс. А я пойду побеседую с консьержкой.

- Я вам еще нужен? - спросил комиссар Дюпе.

- Нет, спасибо. Пришлите мне рапорт в течение дня. С вами отлично работается, Дюпе.

- Понимаете, я сразу же подумал, что это дело вас заинтересует.

Дюпе продолжал говорить и на лестнице, но Мегрэ оставил его перед дверью консьержки.

- Здравствуйте, мадам.

- Доброе утро, господин комиссар.

- Вы меня знаете?

Консьержка утвердительно кивнула.

- Значит, вам известно, что произошло?

- Я расспросила стоявшего перед домом полицейского, и он сказал, что мадемуазель Луиза мертва.

Консьержке было лет сорок, и одета она была даже с некоторым кокетством. Черты ее лица были довольно правильны, хотя несколько грубоваты.

- Ее убили? - спросила она Мегрэ, когда тот устроился возле окна.

- Почему вы так думаете?

- Если бы она умерла естественной смертью, то полиция не стала бы нас беспокоить с утра пораньше.

- Но она могла покончить с собой.

- На таких, как она, это не похоже.
 - Вы хорошо ее знали?
 - Не очень. Она приходила ко мне только за почтой и никогда не задерживалась надолго. Она не чувствовала себя достаточно уверенно в этом доме, вы понимаете, о чем я говорю?
 - Вы хотите сказать, что она была из другого социального сословия, чем жильцы этого дома?
 - Да.
 - А к какому слою она по-вашему принадлежала?
 - Точно не знаю. И вообще, у меня нет никакого повода говорить о ней плохо. Она была спокойна и вежлива.
 - А ее домработница никогда не говорила с вами о ней?
 - Мы с госпожой Броль вообще не разговариваем.
 - Вы ее знаете?
 - И не желаю ее знать. Я вижу, как она приходит и уходит. Этого мне вполне достаточно.
 - Луиза Филон была содержанкой?
 - Вполне возможно. За квартиру, во всяком случае, она платила регулярно.
 - Ее кто-нибудь посещал?
 - Время от времени.
 - Регулярно?
 - Нельзя сказать, что регулярно.
- Мегрэ чувствовал ее внутреннее сопротивление. В отличие от Дезире Броль она нервничала и время от времени бросала быстрый взгляд в сторону застекленной двери.
- Доктор идет.
 - Скажите, мадам... Да, кстати, как вас зовут?
 - Карне.
 - Скажите, мадам Карне, вы ведь пытаетесь от меня что-то скрыть?
 - Почему вы об этом спрашиваете?
 - Просто так. Мне хотелось бы это знать. К Луизе Филон всегда приходил один и тот же мужчина?
 - Во всяком случае, я видела одного и того же.
 - Кто он такой?
 - Музыкант.
 - Откуда вы знаете?
 - Пару раз я видела, как он приходил с футляром от саксофона.
 - Вчера вечером он приходил?
 - Да, около десяти.
 - Вы открыли ему дверь?
 - Нет. До одиннадцати часов вечера, пока я не ложусь спать, дверь остается незапертой.
 - Но вы всегда видите, кто приходит?
 - Вообще-то да. Мои жильцы, в основном, важные и спокойные господа.
 - Значит, вы утверждаете, что музыкант приходил около десяти часов?
 - Да. Он пробыл минут десять, не больше, и когда выходил из квартиры, то мне показалось, что он спешит. Я слышала, как он быстрым шагом направляется в сторону площади Этуаль.

- Вы не обратили внимания на выражение его лица? Был ли он взволнован или...

- Нет.

- Никто больше не приходил к Луизе Филон в течение вечера?

- Нет.

- Значит, если врач установит, что преступление было совершено между десятью и одиннадцатью часами, можно быть почти уверенным, что...

- Я этого не говорила. Я только сказала, что вчера вечером к Луизе Филон приходил только он.

- По-вашему, музыкант был ее любовником? Немного помолчав, она прошептала:

- Не знаю.

- Понятно. Музыканту не по карману снимать ей квартиру в таком шикарном доме.

- Вот именно.

- И вы не удивились, узнав об убийстве?

- Я не ожидала этого, но меня это событие не удивило.

- Почему?

- Да так. Мне кажется, что женщины подобного сорта более других подвержены опасности.

- Составьте список всех жильцов, входивших или выходивших из дома вчера вечером после девяти часов. Я приду за ним попозже.

- Хорошо. Это не трудно.

Выйдя от консьержки, Мегрэ встретил прокурора и его заместителя.

В доме по-прежнему, за исключением третьего этажа, царил покой. Глазеть на полицейских сквозь щели в дверях было не в обычае жителей этого дома. Моэрс и его эксперты заняли своей аппаратурой всю квартиру, а врач уже завершил осмотр тела.

- Когда произошло убийство? - спросил комиссар.

- Между девятью часами и полночью. Точнее сказать, между девятью и одиннадцатью часами вечера.

- Вероятно, смерть была мгновенной?

- Вы же сами видели. Выстрел произведен в упор.

- Сзади?

- Сзади и чуть сбоку. Моэрс вмешался в разговор:

- В момент выстрела она курила сигарету, которая упала на ковер и тлела. Счастье, что он не загорелся.

- В чем здесь, собственно, дело? - спросил заместитель прокурора, не введенный еще в курс дела.

- Я и сам еще пока не знаю. Быть может, банальное преступление. Но это меня бы удивило.

- У вас уже есть какая-нибудь версия?

- Никакой. Пойду поговорю еще раз с домработницей.

Но прежде чем снова направиться на кухню, Мегрэ позвонил на набережную Орфевр и попросил Люка, находящегося в бюро, чтобы он немедленно приехал.

Мадам Броль сидела все на том же месте. Кофе она уже выпила и теперь курила сигарету, что не соответствовало всему ее облику.

- Курить-то мне можно? - спросила она, перехватив взгляд комиссара.

Мегрэ, кивнув, сел напротив нее.

- Рассказывайте.

- О чем?
 - Обо всем, что знаете.
 - Я уже все сказала.
 - Как Луиза Филон проводила время?
 - Я могу говорить лишь о том, что она делала по утрам Просыпалась часов в десять, но с постели не вставала. Кофе я приносила ей в постель. Она пила, курила и читала.
 - Что именно она читала?
 - Иллюстрированные журналы и романы. Часто слушала радио. Вы, вероятно, заметили, что на ночном столике стоит приемник.
 - Она никому не звонила?
 - Часов в одиннадцать.
 - Каждый день?
 - Почти.
 - Пьеро?
 - Да. К полудню она одевалась, чтобы пойти в город пообедать, но это случалось нечасто. Обычно она посылала меня к мяснику за холодным мясом или полуфабрикатами.
 - Вы не знаете, чем она занималась после обеда?
 - Думаю, куда-то ходила. Утром ее туфли бывали грязными. Наверное, она бегала по магазинам, как и все женщины.
 - Она не ужинала дома?
 - Столовая посуда редко бывала грязной.
 - Вы считаете, она встречалась с Пьеро?
 - С ним или с кем-то другим.
 - Вы уверены, что никогда его не видели?
 - Уверена.
 - А какого-нибудь другого мужчины вы тоже никогда не видели?
 - Разве что монтера, что возился с газовым краном, или мальчишку-рассыльного из магазина.
 - Давно вы на свободе?
 - Шесть лет.
- Из гостиной слышался шум. Оттуда выходили санитары из Института судебной медицины.
- Недолго же ей пришлось пожить в свое удовольствие! - заметила мадам Броль.
 - Что вы хотите этим сказать?
 - До двадцати четырех лет она жила в нищете и лишь два года пожила по-человечески.
 - Она сама поведала вам об этом?
 - Мы иногда болтали с ней чисто по-женски.
 - И что она рассказывала о себе?
 - Она родилась в восемнадцатом районе, можно сказать, прямо на улице.
- Лучшие годы провела в квартале около бульвара Шапель. Вам, я думаю, не стоит объяснять, что это такое. Поэтому, когда она устроилась здесь, ей казалось, что у нее начинается райская жизнь.
- Она не чувствовала себя счастливой?

Домработница пожала плечами и посмотрела на Мегрэ чуть ли не с сочувствием, словно удивляясь, как он плохо разбирается в людях.

- А по-вашему, она должна была прыгать от радости, что живет в таком доме, где люди не удостоивают ее даже взглядом, встречая на лестнице?

- Почему же она тут поселилась?

- Очевидно, на это были свои причины.

- Ее содержал тот музыкант?

- Кто вам рассказал о нем?

- Неважно. Пьеро - саксофонист?

- Наверное. Я знаю только, что он играет в каком-то кафе.

Мадам Броль сказала лишь то, что хотела, и не больше того. Теперь, когда у Мегрэ сложилось более или менее точное представление о погибшей, он был уверен, что по утрам женщины довольно откровенно болтали друг с другом.

- Не думаю, - возразил Мегрэ, - чтобы музыкант, играющий в кафе, мог платить за квартиру в этом доме.

- Я тоже так не думаю.

- Тогда?..

- Тогда это должен был делать кто-то другой, - закончила она.

- Пьеро приходил к ней вчера вечером? Мадам Броль продолжала спокойно смотреть Мегрэ в глаза.

- И вы, конечно, решили, что именно он ее убил? Могу сказать вам только одно: они любили друг друга.

- Она вам об этом говорила?

- И не только любили, а мечтали пожениться.

- Почему же они этого не сделали?

- Возможно, потому, что у них не было денег. А может, и потому, что тот, второй, не выпускал ее из рук.

- Тот второй?

- Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду того, кто платил за квартиру. Или вам надо это объяснить?

Внезапно Мегрэ в голову пришла мысль, и, решив ее проверить, он прошел в спальню, открыл гардероб, вынул оттуда мужские домашние тапочки, купленные в дорогом обувном магазине на улице Сент-Оноре. А сняв с вешалки шелковый халат каштанового цвета, он нашел на подкладке марку магазина с улицы Риволи.

Люди Моэrsa уже ушли, но сам он ждал комиссара в комнате.

- Что-нибудь нашел?

- Как обычно, отпечатки пальцев. И старые, и довольно свежие.

- Мужские?

- Одни - точно мужские. Через час будут точные сведения.

- Проверь отпечатки по картотеке и заодно захвати с собой вот эти тапочки и халат. Передай их Жанвье или Торрансу. Пусть установят, где они куплены.

В квартире снова наступило спокойствие, и Мегрэ пошел на кухню к домработнице.

- Можете не сидеть здесь больше.

- Можно начать уборку?

- Не сегодня.
- Что же мне тогда делать?
- Идите домой, но уезжать из Парижа я вам запрещаю.
- Понимаю.
- Вы уверены, что вам больше нечего мне сказать?
- Если я что-нибудь вспомню, то дам вам знать.
- Еще один вопрос: вы абсолютно уверены, что не выходили из квартиры с того момента, как обнаружили труп, и до прибытия полиции?
- Клянусь, что нет.
- И никто не входил в квартиру?
- Ни одна живая душа.

Она сняла с вешалки сумку с покупками. Мегрэ на всякий случай осмотрел ее - револьвера там не было.

- Можете и меня обыскать, если вам хочется. Но он не стал ее обыскивать, а лишь провел рукой по болтающемуся платью. Скорее, для очистки совести.

- В свое время это доставило бы вам удовольствие... - с этими словами мадам Броль и Мегрэ вышли из квартиры и на лестнице столкнулись с Люка, в мокром плаще и шляпе.

- Дождь идет?
- Уже минут десять. Что мне теперь делать, шеф?
- Сам толком не знаю. Может быть, останешься здесь. Если будут звонить, постарайся узнать - откуда. Возможно, кто-то позвонит около одиннадцати. Предупреди стол подслушивания. Ну, а кроме того, поройся тут еще. Хотя обыск и проведен, но никогда не вредно лишний раз покопаться.

- АО ком, собственно говоря, идет речь?
- Об одной девице, околавившейся под фонарем на бульваре Барбе, которую кто-то поселил здесь. Насколько известно, у нее был любовник, какой-то музыкант из кафе.
- Это он ее убил?
- Он приходил к ней вчера вечером. Консьержка утверждает, что больше никого не видела.
- Есть его приметы?
- Сейчас спущусь к консьержке и еще раз расспрошу.

Консьержка как раз разбирала почту. Судя по ее словам, Пьеро был молодым человеком лет тридцати, крепко сложенный блондин и напоминал более продавца из мясной лавки, чем музыканта.

- Это все, что вы можете мне сообщить?
- Все, господин комиссар. Если я что-нибудь еще вспомню, то обязательно дам вам знать.

Странно. Таким, или почти таким же, был ответ домработницы. Мегрэ подумал, что они обе, только по разным причинам, не хотят рассказать ему все, что знают.

Подняв воротник пальто и засунув руки в карманы, комиссар зашагал по улице. Туман перешел в холодные, тонкие капли дождя, невольно навевавшие мысль о простуде. Мегрэ вошел в угловой бар выпить грога.

ГЛАВА II

Мужчиной по имени Пьеро занимался Жанвье. Шаг за шагом он проследил все его действия, прежде чем тот исчез.

Около половины двенадцатого Люка, спокойно обыскивающий квартиру на авеню Карно, услышал давно ожидаемый звонок. Он осторожно поднял трубку и, стараясь даже не дышать, чтобы не выдать себя, услышал, как на другом конце провода прошептали:

- Это ты?

И, прежде чем молчание в трубке могло показаться подозрительным, Пьеро добавил:

- Ты не одна?

И, наконец, совсем встревоженно:

- Алло! Это Карно двадцать два - тридцать пять?

- Да, Карно двадцать два - тридцать пять.

Люка явственно слышал его дыхание в трубке. Пьеро звонил из автомата, наверняка из какого-нибудь бара.

Подождав еще мгновение, музыкант повесил трубку. Теперь оставалось ждать только вызова из стола "подслушива-ния. Через две минуты раздался звонок:

- Люка? Этот тип звонил из бистро "У Леона" на бульваре Рошешуар, угол улицы Рикет.

Спустя минуту Люка связался с комиссариатом улицы Гут Д'Ор, что в двух шагах от бистро.

Инспектор Жанин был на месте, и Люка описал ему приметы Пьеро, а заодно и назвал бар, предупредив коллегу:

- Побудь там до прихода Жанвье.

Мегрэ сидел у себя в кабинете с распушенным галстуком, перед ним лежали четыре набитые трубки и рапорт, который следовало закончить до полудня. Жанвье просунул голову в приоткрытую дверь кабинета:

- Шеф, он звонил. И мы знаем, где он находится. Люка уже сообщил в комиссариат на улице Гут Д'Ор, и Жанин с минуты на минуту будет на месте. Я тоже туда. Что с ним делать?

Комиссар посмотрел на него своими большими усталыми глазами.

- Привезешь его сюда, но только тихо.

- Вы не будете обедать?

- Попрошу, чтобы мне принесли бутербродов.

Жанвье добрался до нужной улицы на черной служебной машине. Подъехав к бару, он приказал водителю остановиться. Бистро помещалось в узком, вытянутом вдоль улицы здании. Войдя, Жанвье сразу заметил Жанина у стойки. Он склонился над стаканчиком вермута и явно его ждал. Кроме инспектора, в баре было четверо клиентов. Жанвье огляделся. Пол в баре был усыпан опилками, стены выкрашены в грязно-желтый цвет. Телефонная cabina находилась рядом с туалетом.

- Смотался?

Жанин кивнул, вытянув в знак приветствия руку.

- Мы можем спокойно побеседовать. Он был здесь без четверти одиннадцать, как обычно.

- Хозяин знает его фамилию?

- Он знает только, что его зовут Пьеро, что он музыкант и живет где-то неподалеку отсюда. Каждое утро он приходит в бар без четверти одиннадцать выпить чашечку кофе, и почти всегда ровно в одиннадцать ему звонят. Но сегодня звонка не было. Он подождал полчаса и позвонил сам.

Когда он вышел из кабины, хозяину показалось, что он чем-то озабочен.

Постоял немного у стойки и, расплатившись, вышел из бара.

- Известно, где он обедает?

- Хозяин утверждает, что не знает, - и без перехода спросил:

- Я еще нужен тебе?

- Не знаю. Выйдем.

Стоя на тротуаре, Жанвье окинул взглядом улицу Рикет, которая просматривалась от начала до конца. На противоположной стороне виднелись вывески двух отелей. И Жанвье совершенно правильно рассудил, что если Пьеро завтракает по утрам в маленьком баре, то и живет он где-то в двух шагах отсюда. Поэтому он предложил:

- Посмотрим?

Первый отель, в который они зашли, назывался "Отель дю Вар". За конторкой, справа от коридора, сидела старая женщина, к которой Жанвье сразу же обратился с вопросом:

- Пьеро у себя?

- Вышел примерно час назад.

- Вы уверены, что он не возвращался?

- Конечно. Я никуда не отлучалась, да и ключ от его комнаты на месте.

Жанин подошел поближе, и только теперь она его заметила.

- Давно он здесь живет?

- Больше года. За комнату платит ежемесячно. Она принесла регистрационную книгу и стала ее перелистывать.

- Вот, пожалуйста. Вы же знаете, что у нас солидное заведение.

По документам Пьеро значился как Пьер Эйро, двадцати девяти лет, уроженец Парижа.

- В котором часу он обычно возвращается?

- Иногда во второй половине дня, иногда нет.

- Женщины к нему приходят?

- Как и ко всем.

- Разные или одна?

- Вы ее тоже должны помнить, мосье Жанин. Она долго вертелась в нашем квартале. Ее зовут Лулу, - не замедлила с ответом женщина.

- А фамилия?

- Не знаю. Я всегда звала ее Лулу. Красивая девочка, и ей повезло в жизни. Теперь она ходит в мехах и приезжает сюда на такси.

- Вчера вы ее видели? - спросил Жанвье.

- Вчера нет, позавчера. Ведь воскресенье было позавчера? Она приехала после обеда с маленькими пакетиками в руках, и они поели в комнате.

Затем вышли под ручку и, наверное, пошли в кино.

- Дайте ключ от его комнаты.

Женщина лишь пожалала плечами, словно желая сказать: "Какой смысл спорить?"

- Постарайтесь, чтобы он не заметил, что вы рылись в его вещах. А то он обязательно предъявит претензии к нам.

Жанин предусмотрительно остался внизу, чтобы женщина не предупредила Пьеро о визите полиции.

Жанвье вошел в номер 53. Окна комнаты выходили во двор. В углу стояла железная кровать, покрытая изношенным, полинявшим ковриком, точно таким же был накрыт стол. На туалетном столике валялись зубная щетка, кисточка для бритья, зубная паста, расческа и бритва. Под кроватью находился огромный, незапертый чемодан, служивший, по-видимому, для хранения грязного белья.

В гардеробе Жанвье нашел только один костюм, две пары старых брюк, серую фетровую шляпу и кепку. Что касается белья, то оно состояло из трех-четырех рубашек, нескольких пар носков и кальсон. Соседнее отделение гардероба было завалено нотными тетрадами. И лишь в ночном шкафчике Жанвье обнаружил женские домашние туфли, а за дверью - домашний халат из китайского шелка.

Пока Жанвье копался в комнате, Жанин успел расспросить хозяйку гостиницы, и, когда они вышли на улицу, похвастался:

- У меня есть адреса нескольких ресторанчиков, где он попеременно обедал.

Жанвье записал эти адреса и сказал:

- Лучше будет, если ты останешься здесь. Когда он из дневных газет узнает, что произошло с его приятельницей, если уже не узнал... Может быть, он захочет вернуться в гостиницу?

- Думаешь, это он?

- Шеф ничего мне не говорил.

Жанвье направился в итальянский ресторан на бульваре Рошешуар, спокойный и уютный.

Две официантки в черно-белых костюмах хлопотали в зале, но ни одна из них ничего не знала о Пьеро.

- Вы не видели Пьеро Эйро?

- Музыканта? Нет. И я бы удивилась, если бы он пришел, сегодня не его день.

Второй ресторан, значившийся в списке Жанвье, был обычной закуской и находился на улице Барбе. Но и там никто не видел Пьеро.

Оставалась последняя надежда - на ресторанчик шоферов, где, в основном, питался трудовой люд.

Жанвье подошел к стойке и заказал кружку пива. Его, должно быть, здесь знали, несколько человек с удивлением посмотрели в его сторону.

- У нас нет бочкового пива, - сказал хозяин. - Не хотите ли стаканчик божоле?

Жанвье кивнул в знак согласия и, подождав немного, спросил:

- Пьеро не приходил? Музыкант?

- Да. Мы договорились встретиться здесь в четверть первого...

- Он уже ушел.

Хозяин бара говорил спокойным тоном и, казалось, его ни капельки не смутило появление полиции.

- Он меня не дождался?

- Он очень спешил и даже не окончил обеда.

- Кто-нибудь пришел за ним?

- Нет. Он внезапно поднялся из-за стола, сказав, что торопится.

В котором часу это было?

- Минут пятнадцать назад.

Жанвье окинул взглядом столики и отметил про себя, что двое клиентов читали газеты. Стол у окна еще не был убран, и рядом с тарелкой недоеденного рагу лежала развернутая дневная газета.

- Он сидел здесь?

- Да.

Жанвье пришлось пробежать под дождем метров двести и встретиться с Жанином, дежурившим на улице Рикет.

- Он не возвращался?

- Я никого не видел.

- Полчаса назад он обедал в маленьком ресторанчике. Купил газету и понял, что его ищут... Сразу же вышел. Надо позвонить шефу.

Мегрэ находился в своем кабинете на набережной Орфевр. На столе перед ним находился поднос с бутербродами и двумя кружками пива. Комиссар внимательно выслушал рапорт Жанвье.

- Постарайся разыскать кафе с дансингом, где он работает. Возможно, это знает хозяйка гостиницы. Вероятно, это в том же квартале. А Жанин пусть понаблюдает за гостиницей.

Мегрэ не ошибся. Хозяйка гостиницы действительно знала место работы Пьеро. Она тоже прочитала газету, но ей и в голову не пришло, что упоминавшаяся там Луиза Филон и известная ей Лулу - одно и то же лицо.

Впрочем, в газете происшедшему было отведено всего лишь несколько строчек:

"Некая Луиза Филон, без определенных занятий, сегодня утром была обнаружена домработницей мертвой в своей квартире на авеню Карно. Она была убита выстрелом из револьвера в упор. Это произошло, скорее всего, вчера вечером. По-видимому, это не преступление с целью ограбления.

Следствие ведет лично комиссар Мегрэ, и мы уверены, что он уже напал на след преступников".

Пьеро работал в маленьком кафе "Грело" на улице Шарбоньер, рядом с бульваром Шапель, в том же квартале, что и гостиница, но в менее respectable части.

В эту пору дня кафе пустовало. Кроме хозяина, обедавшего с женой - женщиной неопределенного возраста, в зале никого не было. Хозяин поднял взгляд на вошедшего, и Жанвье понял, что тот с первого взгляда угадал его профессию.

- В чем дело? Кафе открывается только в пять.

Жанвье показал свой полицейский жетон, но мужчина не повел и бровью.

Это был коренастый человек, с носом и ушами бывшего боксера.

В зале было что-то вроде галерки для оркестра. Вероятно, музыканты поднимались туда по лестнице. Видя, что Жанвье ждет, хозяин нарушил молчание:

- Слушаю вас...

- Пьеро здесь нет?

Хозяин обвел взглядом пустой зал:

- А вы его здесь видите?

- И он не приходил сегодня?

- Мы начинаем в семь вечера. Но иногда он приходит в четыре-пять на партию белота.

- А вчера он работал?

Хозяин с хозяйкой переглянулись, и Жанвье понял, что они себе на уме и надо и ними держать ухо востро.

- А что он сделал?.

- Быть может, ничего особенного, но мне необходимо его кое о чем расспросить.

- Почему?

Инспектор решил рискнуть.

- Потому что Лулу мертва.

- Не городите чепухи.

Неподдельное удивление прозвучало в его голосе. Видимо, он еще не читал газет.

- Давно?

- Она умерла прошлой ночью.

- Что с ней случилось?

- Вы ее знали?

- В свое время она торчала здесь почти каждый вечер. Года два назад.

- А теперь?

- Приходила изредка выпить стакан вина и послушать музыку.

- В котором часу вчера вечером выходил Пьеро?

- А кто вам сказал, что он выходил?

- Консьержка на авеню Карно видела, как он входил в дом, а через четверть часа спустился обратно.

Хозяин кафе на мгновение замолчал, размышляя, как вести себя дальше.

Он, вероятно, опасался навредить Пьеро своими ответами, но и вступать в конфликт с полицией ему не хотелось.

- Скажите сначала, что случилось с Лулу?

- Ее кто-то убил.

- Только не Пьеро, - убежденно заявил хозяин.

- А я и не говорил, что ее убил Пьеро.

- Тогда чего же вы от него хотите?

- Уточнить кое-какие детали. Вы утверждаете, что вчера вечером он был на работе?

- Ничего я не утверждаю. Могу сказать только, что в семь часов он уже играл в оркестре.

- Но около девяти часов он выходил?

- Его позвали к телефону. Это было двадцать минут десятого.

- Лулу?

- Не знаю. Возможно, что и она.

- Это была Лулу, - вмешалась в разговор жена хозяина. - Я стояла рядом и все слышала. Он ей сказал: "Я сейчас приду". И, повернувшись ко мне, добавил: "Мелани, мне надо съездить туда". Я спросила: "Что-нибудь случилось?" Он ответил: "Вроде бы". И поднялся наверх переговорить с музыкантами, а потом быстро выбежал из кафе.

- В котором часу он вернулся? На этот раз ответил мужчина:

- Незадолго до двенадцати.

- Не был ли он возбужден?

- Я этого не заметил. Он извинился за отсутствие и уселся на свое место. Играл до часу ночи.

Потом, как обычно, остался с нами выпить по стаканчику. Если бы он знал, что Лулу мертва, то не был бы так спокоен.

Он был без ума в нее влюблен, и причем давно. Я ему сто раз повторял:

"Пьеро, малыш! Не идеализируй женщин. Они немножого стоят..."

- А Лулу тоже была влюблена в него? - спросил Жанвье.

- Конечно.

- Был ли у нее кто-нибудь еще?

- Ну, знаете, саксофонисту не по карману платить за квартиру на Этуаль.

И вы знаете, кто он?

Ни Лулу, ни Пьеро никогда мне ничего о нем не говорили. Знаю только, что ее жизнь резко изменилась после операции.

- Какой операции?

- Два года назад она тяжело болела. Тогда она еще жила в нашем квартале.

- Она была проституткой? Хозяин только пожал плечами:

- А чем они еще здесь занимаются, как вы считаете?

Продолжайте.

Ее увезли в больницу, а когда Пьеро пришел навестить, ему сообщили, что надежды почти никакой: что-то у нее было с головой, я не знаю точно... Но через два дня ее перевели в другую больницу, на левом берегу. Сделали ей какую-то операцию, и через несколько недель она уже была здорова. Но сюда она уже не вернулась. Разве что изредка навещала нас.

Она сразу нее поселилась на авеню Карно?

- Ты не помнишь? - спросил хозяин свою жену.

- Сначала она снимала квартиру на улице Лафайет. Около трех часов Жанвье вернулся на набережную Орфевр. Мегрэ сидел в кабинете в рубашке с закатанными рукавами, поскольку в комнате было очень жарко. Воздух казался голубым от табачного дыма.

- Садись и рассказывай, что у тебя нового. Жанвье выложил все, что узнал.

- Я приказал наблюдать за вокзалами, - сказал Мегрэ. Но пока Пьеро не пытался уехать поездом.

И комиссар показал Жанвье полицейскую регистрационную карточку с фотографией мужчины лет тридцати, в фас и профиль.

- Это он?

- Да. В первый раз его арестовали в возрасте двадцати лет за участие в драке. Спустя полтора года он подозревался в соучастии в краже, совершенной девчонкой, с которой жил. Только у полиции не было доказательств. В возрасте двадцати четырех лет его арестовали за бродяжничество. Он жил тогда на доходы проститутки, некой Эрнестины.

После этого не попадался. Я раздал его фото полицейским. Жанин наблюдает за гостиницей?

- Да. Мне показалось, что так будет лучше.

- Верно. Только я не думаю, чтобы он туда вернулся. Но чем черт не шутит, рисковать мы не можем. Но Жанин нужен мне здесь. Пошлю Лапуэнта ему на смену. Я бы удивился, если бы Пьеро задумал покинуть Париж. Он всю жизнь провел в этом квартале и знает в нем каждый уголок. Здесь ему легко затеряться. Из всех нас только Жанин хорошо знает его квартал.

Позвони Лапуэнту.

Лапуэнт выслушал распоряжение шефа и бросился на улицу с таким запалом, словно успех следствия зависел только от него.

Мегрэ продолжал:

- Я просмотрел досье Луизы Филон. С пятнадцати до двадцати четырех лет она сотни раз задерживалась за проституцию, доставлялась в участок, но в большинстве случаев после соответствующей проверки ее через несколько дней отпускали.

- И это все, - словно бы выдохнул Мегрэ и выбил о каблук свою трубку.

- Вернее, не совсем все. Но остальное пока еще не совсем ясно.

Скорее всего, комиссар говорил для самого себя, просто, чтобы привести в порядок мысли, но Жанвье льстил сам факт участия в размышлениях комиссара.

- Существует человек, поселивший Лулу в квартире на авеню Карно. Еще утром я удивился, что простая девушка живет в таком доме, что-то меня беспокоило. Понимаешь, что я имею в виду?

- Да.

Действительно, дом на авеню Карно никак не походил на те, где селят своих содержанок богатые любовники. Второго такого дома не было во всем квартале. В нем жили уважаемые буржуа и известные всему городу люди. Удивительно, что управляющий согласился сдать квартиру подобной девице.

- И тогда я стал размышлять: вероятно, любовник поселил Лулу именно здесь потому, что сам живет неподалеку. И если консьержка не солгала, что к Лулу никто, кроме Пьеро, не входил, и она не выходила, чтобы регулярно навещать кого-либо, а, случилось, оставалась дома и по целой неделе, то...

- Я начинаю понимать.

- Это всего лишь предположение. Домашние тапочки и халат, найденные в гардеробе, наверняка не принадлежат саксофонисту. В бельевом магазине на улице Риволи не могли сказать, кто был покупателем халата. Клиентов у них сотни, и их имен они, понятное дело, не записывают. Что касается обувного магазина, то его хозяин, оригинал, кстати сказать, пообещал на днях проверить записи в своих книгах - сегодня, мол, у него времени нет... Следовательно, есть еще кто-то, кроме Пьеро, кто регулярно посещал Луизу Филон и был с ней в настолько близких отношениях, что оставлял в ее шкафу тапочки и халат. И если консьержка никогда его не видела...

- Это значит, что он живет в этом же доме?

- Это самое логичное объяснение.

- У вас есть список жильцов?

- Люка мне только что передал его по телефону.

Жанвье, хорошо знавший комиссара, чувствовал по ворчливому тону Мегрэ, что во всей этой истории ему что-то не нравится.

- То, что ты рассказал мне о болезни Лулу и перенесенной ею операции, наводит на определенные размышления.

Мегрэ медленно раскурил трубку и склонился над лежавшим на столе списком жильцов.

- Знаешь, кто живет этажом выше? Профессор Гуэн - самый известный специалист по операциям мозга.

Реакция Жанвье была мгновенной:

- Он женат?

- Конечно. Живет вместе с женой.

- Что вы собираетесь делать?

- Сначала поговорю с консьержкой. Далее если сегодня утром она не лгала мне, то и всей правды тоже не сказала. Наверное, стоит еще раз поговорить с нашей драгоценной Дезире Броль. Думаю, она поступила со мной подобным же образом.

- А что делать мне?

- Оставайся здесь. Когда позвонит Жанин, пусть ищет Пьеро по всему кварталу. Передай ему фотографию.

В пять вечера Мегрэ в служебной машине направился на авеню Карно.

Улицы города окутал полумрак. Глядя на прохожих, Мегрэ почему-то вспомнил, что утром, когда его жена, стоя у окна, пыталась различить сквозь туман людей, спешащих на работу, ему в голову пришла довольно забавная мысль. Если бы вдруг сейчас его попросили охарактеризовать ее, он бы выразился так: "рабочий день". И эти два слова - пришедший ему на память припев модной песенки, так и называвшейся - "Рабочий день", как нельзя лучше выражали его теперешнее настроение. Обычный день, когда просто невозможно представить себе человека, получающего удовольствие от хождения по улицам да еще в такую пакостную погоду. Но комиссару казалось, что во всем городе вообще трудно найти человека, получающего наслаждение от каждодневной рутинной работы. Все спешат, месят грязь под дождем, ныряют в темные жерла метро, где их закупоривают в грязные вагоны подземок и выбрасывают на конечных станциях, кишат в магазинах, гнут спины в конторах, снуют по улицам, не замечая промозглой сырости.

Комиссар тоже работал сегодня без энтузиазма. Сначала в своем натопленном кабинете, а теперь вот неохотно ехал на авеню Карно. Высокий каменный дом и на этот раз показался ему лишенным всякой привлекательности. Люка по-прежнему дежурил в квартире, и Мегрэ заметил снизу, как он отодвинул занавеску и посмотрел на улицу.

Консьержка сидела за круглым столиком в своей комнате и штопала белье. В очках она казалась более старой. Здесь тоже было жарко и спокойно. Эту тишину подчеркивали мерное тиканье старинных часов и доносившийся с кухни шум газовой печки.

- Пожалуйста, не беспокойтесь, - сказал Мегрэ. - Я пришел поговорить с вами еще немного.

- Это действительно убийство? - спросила консьержка, пока Мегрэ снимал пальто и усаживался напротив нее.

- На месте преступления револьвера не обнаружено, он пропал самым невероятным образом. В квартире была только служанка, и перед уходом, я уверен, она ничего не уносила. Конечно, тщательно ее не обыскивали. О чем вы думаете, мадам Карне?

- Я? Ни о чем. Об этой бедной девочке.

- Вы уверены, что утром ничего не утаили от меня?

Вопрос комиссара заставил ее покраснеть, и она низко опустила голову.

Прошло какое-то время, прежде чем она осмелилась заговорить.

- А почему вас это интересует?

- Мне кажется, что вы знаете человека, поселившего Луизу Филон в этом доме. Вы сдавали ей квартиру?

- Нет, управляющий.

- Я с ним встречусь, и он, наверняка, расскажет мне больше. А сейчас я пойду на четвертый этаж, мне необходимо кое о чем расспросить...

При этих словах консьержка подняла голову и переспросила, словно ослышавшись:

- На четвертый этаж?

- Ведь именно там живет профессор Гуэн с супругой, не так ли?

Насколько мне известно, они занимают целый этаж?

- Да.

Консьержка овладела собой, и комиссар продолжал:

- Мне бы хотелось узнать у них, не слышали ли они чего-нибудь вчера вечером. Ведь они были дома?

- Мадам Гуэн была дома.

- Весь день?

- Да. К ней в гости приходила сестра и пробыла до половины одиннадцатого.

- А профессор?
 - Он уехал в больницу около восьми.
 - А когда вернулся?
 - Примерно минут пятнадцать двенадцатого. Незадолго до ухода свояченицы.
 - Профессор часто уходит в больницу по вечерам?
 - Довольно редко, только в особых случаях.
 - Сейчас он дома?
 - Нет. Он почти никогда не приезжает до обеда. И хотя в квартире имеется хорошо оборудованный кабинет, больных на дому он никогда не принимает. Кроме редких случаев.
 - Я поднимусь и поговорю с его женой.
- Консьержка не остановила его, когда он поднялся и направился к стулу, на котором лежало его пальто. Он уже хотел открыть дверь, как она произнесла еле слышным голосом:
- Мосье Мегрэ!
- Он ожидал именно этого и повернулся в ее сторону с легкой улыбкой.
- Консьержка явно искала слов и смотрела на него с почти умоляющим выражением лица.
- Комиссар решил:
- Это он?
- Она не поняла его.
- Не хотите же вы сказать, что подозреваете прфессора в...
 - Вовсе нет, у меня и в голове подобного не было. Но я уверен, что Луизу Филон в этот дом устроил профессор Гуэн.
- Она словно с сожалением кивнула головой в знак согласия.
- Почему вы мне сразу не сказали об этом?
 - Вы меня об этом не спрашивали.
 - Я спрашивал: знаете ли вы человека, который..
 - Нет, вы меня спросили, видела ли я кого-либо, поднимающегося наверх...
 - Профессор просил вас молчать?
 - Нет. Ему это все равно.
 - Откуда вам это известно?
 - Знаю. Он этого не скрывает.
 - Тогда почему вы мне не сказали сразу...
 - Сама не знаю. Просто подумала, что не стоит его без особых причин вмешивать в это дело. Он спас жизнь моему сыну, сделав бесплатно очень сложную операцию, и потом два года наблюдал за ним.
- Где сейчас ваш сын?
 - Служит в армии. Во Вьетнаме.
 - Мадам Гуэн знает об этом?
 - Да. Но она не ревнует. Привыкла.
 - Значит, весь дом знает, что Лулу была любовницей профессора?
 - Если кто-то и не знает, то просто не хочет знать. В этом доме жильцы мало интересуются своими соседями... Профессор часто спускался на третий этаж в пижаме и халате.
 - Что за человек профессор?

- Вы его не знаете?

Консьержка разочарованно посмотрела на Мегрэ. Комиссар часто видел фото Гуэна в газетах, но ему не доводилось встречаться с ним лично.

- Ему лет шестьдесят, да?

- Шестьдесят два. Но он выглядит моложе. Впрочем, для таких мужчин, как он, возраст не имеет особого значения.

Мегрэ постарался вспомнить лицо знаменитого хирурга. Большая голова, крупный нос, грубый подбородок. О прожитой жизни свидетельствовали складки на щеках и мешки под глазами. И было забавно слушать консьержку, которая говорила о профессоре с энтузиазмом молодой студентки, рассказывающей о своем преподавателе.

- Вы не знаете, виделся ли он вчера с ней, прежде чем уйти вечером в больницу?

- Я уже говорила вам, что он был дома до восьми часов. Молодой человек приходил позже.

- А после возвращения из больницы? Консьержка колебалась, явно подыскивая подходящий ответ.

- Конечно, нет.

- Откуда такая уверенность?

- Его свояченица спустилась через несколько минут после его прихода.

- Вы думаете, что он с ней виделся?

- Думаю, что она ожидала его, чтобы уйти.

- Вы так защищаете профессора...

- Я только говорю правду.

- Ну, поскольку мадам Гуэн обо всем знает, не мешает зайти к ней и поговорить.

- Считаете, что это удобно?

- Нет, пожалуй, вы правы.

Однако он направился в сторону двери.

- Куда вы?

- Наверх. Я оставлю дверь квартиры Луизы Филон открытой и, когда профессор будет возвращаться домой, попрошу его для беседы.

- Ну, если вам это так важно...

Эта женщина была все же чем-то симпатична комиссару, несмотря на ее стремление выгородить профессора. И когда дверь закрылась за Мегрэ, он повернулся, чтобы через окно еще раз посмотреть на консьержку. Она встала со стула, но, увидев комиссара, на минуту застыла на месте, а затем решительно направилась на кухню, словно ее ждала там какая-то срочная работа. Но Мегрэ был убежден, что она торопилась не на кухню, а к телефону, стоявшему на столике у окна, а он своим взглядом спугнул ее.

ГЛАВА III

- Где ты ее нашел? - спросил Мегрэ у Люка.

- На верхней полке кухонного шкафа.

Это была обыкновенная белая картонная коробка из-под обуви, рядом лежала красная бечевка. И когда ее открыли, содержимое картонки напомнило Мегрэ аналогичные "сокровища", часто виденные им у простых людей в деревнях. Обычно там хранятся свидетельства о браке, пожелтевшие письма, квитанции из ломбарда.

"Сокровища" Луизы Филон не отличались от прочих. В коробке не было свидетельства о браке, зато там хранилась запись о рождении, выданная мэрией 18-го района. В бумаге говорилось, что вышеозначенная Луиза Мари Жозефина Филон родилась в Париже, отец - Луи Филон - рабочий скотобойни, проживающий на улице Камбрэ, и Филипина Флемм - прачка.

Была здесь и фотография, сделанная местным фотографом. На переднем плане находился парк с баллюстрадой, а на ее фоне стояла женщина лет тридцати. Видно было, что в момент съемки она не смогла даже улыбнуться по команде фотографа и смотрела прямо перед собой строгим взглядом, уставившись в одну точку. Без сомнения, до Луизы у нее уже были дети.

Фигура ее изменилась, платье тесно обтягивало обвислую грудь.

Люка снова уселся в кресло, в котором он отдыхал до прихода комиссара. Мегрэ, окинув взглядом комнату, не смог удержать улыбки.

Пепельница была набита окурками, и комиссар про себя отметил, что Люка, видимо, от скуки читал один из развлекательных романов Лулу. Книга лежала на столике открытой, прочитанной лишь наполовину. Проследив за взглядом Мегрэ, Люка, указывая на фото, сказал:

- Она давно умерла. Семь лет назад. - И протянул шефу вырезку из газеты с некрологом.

Мегрэ оставил дверь квартиры открытой, и они чутко прислушивались к звукам, доносящимся с лестницы. Лифт заработал лишь раз и остановился на втором этаже.

- А ее отец?

- Есть только вот это письмо.

Письмо было написано простым карандашом на листке дешевой бумаги и почерком человека, явно малообразованного:

"Моя дорогая Луиза!

Во первых строках моего письма извещаю тебя, что я снова в больнице и очень несчастлив. Сжался и пришли мне немного денег, чтобы я смог купить себе табаку. Врачи уверяют, что мне нельзя есть и морят голодом.

Высылаю это письмо на адрес бара, в котором тебя видел один из моих знакомых. Наверняка тебя там знают. Я долго не протяну. Твой отец."

В углу стояло название больницы: Безьер в округе Эро. Но даты там не было, и поэтому трудно было точно установить, когда оно было написано.

Хотя, судя по желтизне бумаги, писалось года два-три назад.

Получала ли Луиза Филон другие письма? Почему она хранила только это?

Может быть, ее отец умер вскоре после того, как отправил письмо?

- Наведи справки об ее отце в больнице Безьера.

- Хорошо, шеф.

Мегрэ не нашел никаких других писем, зато в картонке было много фотографий, снятых на ярмарке. Луиза Филон снималась и одна, и с Пьеро.

Были тут и фото, сделанные в автомате и предназначенные для документов.

Остальное содержимое коробки состояло из мелких безделушек, купленных там же, на ярмарке. Среди них были фаянсовая собачка, пепельница, несколько слоников и даже бумажные цветы.

Подобные безделушки, вполне уместные в квартале Барбе или на бульваре Шапель, здесь, в квартире на авеню Карно, выглядели прямо-таки трагично.

- Ничего больше?

Люка не успел ответить, как раздался телефонный звонок, заставивший обоих вздрогнуть. Мегрэ поспешно снял трубку - Алло!

- Комиссар Мегрэ?

- Я вас слушаю.

- Извините за беспокойство, господин комиссар, но я звонила в полицию и мне сказали, что вы, скорее всего, в этой квартире. Это жена профессора Гуэна.

- Слушаю вас.

- Могу ли я на минутку спуститься и поговорить с вами?

- Не проще ли мне подняться к вам?

Но она ответила все тем же решительным голосом:

- Предпочитаю спуститься к вам, мне не хотелось бы, чтобы муж, вернувшись из больницы, застал вас у нас в доме. Мегрэ лишь успел шепнуть Люка:

- Это жена профессора Гуэна, она живет этажом выше.

Через несколько минут на лестнице послышались шаги, потом кто-то закрыл входную дверь, которую Мегрэ оставил полуоткрытой. Раздался стук в дверь, и инспектор произнес:

- Входите, мадам.

Госпожа Гуэн вошла спокойно, словно так входила в любую иную квартиру. Она не осматривалась в комнате Луизы, ее взгляд сразу же остановился на Мегрэ.

- Это мой помощник Люка, - произнес Мегрэ. - Садитесь, пожалуйста...

- Благодарю.

Это была высокая женщина, крепкого телосложения, но не полная.

Профессору было шестьдесят два года, его ясене скорее всего лет сорок пять, во всяком случае, она не выглядела старше.

- Полагаю, что вы ожидали моего звонка? - произнесла она с еле заметной улыбкой.

- Это консьержка вас предупредила? Мгновение она колебалась, продолжая смотреть комиссару прямо в глаза, и улыбка на ее лице стала более заметной.

- Да. Она позвонила мне минуту назад.

- Значит, вы знали, что я здесь, и звонили мне в полицию лишь затем, чтобы ваш приход сюда выглядел правдоподобным.

Она слегка покраснела, но ни на минуту не утратила самоуверенности.

- Я не сомневалась, что вы догадаетесь, но, поверьте, так или иначе, но нам необходимо было встретиться. Еще утром, как только я узнала, что тут произошло, хотела с вами побеседовать.

- Почему же вы этого не сделали?

- Наверное, потому, что не хотела бы, чтобы имя мужа фигурировало в этой истории.

Мегрэ не спускал с нее глаз. Он отметил, что взгляд женщины ни разу не скользнул по комнате. Своим безразличным видом она старалась показать, что совершенно не любопытна.

- Когда вы были здесь в последний раз? Она снова слегка покраснела, но по-прежнему хорошо владела собой.

- Вы и это знаете? Но вам никто не мог об этом сказать, даже мадам Карне.

Она на секунду задумалась, но тут же нашла ответ на свой собственный вопрос.

- Безусловно, я не произвожу впечатление человека, впервые попавшего в эту квартиру, тем более в такую, где накануне совершено преступление?

Люка сидел теперь на софе, почти на том самом месте, где утром было найдено тело Луизы Филон. Мадам Гуэн расположилась в кресле Мегрэ стоял, опираясь спиной на искусственный камин.

- В конце концов это неважно. Сейчас я вам все объясню. Как-то месяцев семь-восемь назад, ночью, особа, жившая здесь, обезумев от страха, позвонила мне, поскольку у мужа, находившегося у нее, произошел сердечный приступ, и он потерял сознание.

- Когда вы пришли, он находился в спальне?

- Да. Я оказала ему первую помощь.

- Вы изучали медицину?

- До замужества я работала медицинской сестрой.

С самого начала Мегрэ не мог определить, к какой социальной среде принадлежит мадам Гуэн. Теперь он понял, на чем основана эта уверенность в себе.

- Продолжайте.

- Это почти все. Я хотела позвонить одному из наших друзей - он врач, но Этьен пришел в себя и запретил мне вызывать кого-либо.

- Он удивился, обнаружив вас у своей постели?

- Нет. Он всегда и обо всем говорил мне. Не скрывал ничего. В ту ночь он поднялся со мной наверх и спокойно уснул.

- Тот приступ произошел с ним впервые?

- Года три назад тоже произошла подобная история, но менее опасная.

Она по-прежнему держалась так спокойно и уверенно, что можно было подумать, что мадам Гуэн в костюме медсестры находится у постели больного. Если кто и удивлялся, так это Люка, который не знал подробностей дела и не понимал, как женщина вообще может так спокойно говорить о любовнице собственного мужа.

- Почему вы решили поговорить со мной сегодня? - спросил Мегрэ.

- Консьержка сказала, что вы хотите поговорить с мужем. И я подумала: нельзя ли этого избежать? Не смогу ли я снабдить вас аналогичными сведениями? Вы знаете профессора Гуэна?

- Только понаслышке.

- Это необыкновенный человек. Таких, как он, - единицы.

Комиссар согласно кивнул головой.

- Он всю жизнь посвятил своей работе, и она для него - настоящее призвание. Кроме того, что ему приходится делать в больнице Кошена, случается, он проводит три-четыре операции в день, а вы, наверняка, знаете, как тонки эти операции. За них не берется ни один врач. Так что ничего удивительного, что я взяла на себя все остальные заботы, стараясь оградить его от повседневной суеты.

- После смерти Луизы Филон вы видели вашего мужа?

- Он приходил пообедать. Утром же, когда он уходил, мы ничего еще не знали.

- Как он воспринял сообщение о ее смерти?

- Это было сильным ударом для него.

- Он любил ее?

С минуту мадам Гуэн смотрела на Мегрэ, не произнося ни слова. Потом бросила быстрый взгляд на Люка, чье присутствие ее явно смущало.

- Мне кажется, господин комиссар, насколько я о вас слышала, вы человек, способный понять многое. В том числе и то, почему я хочу избежать огласки. Профессор принадлежит к той категории людей, которых не должны касаться сплетни, а его работа слишком валена для людей, чтобы обременять его повседневными заботами.

Услышав - слова "повседневные заботы", Мегрэ невольно посмотрел на то место, где еще сегодня утром лежал труп Луизы Филон.

- Если позволите, я вкратце опишу его характер.

- Будьте любезны.

- Вы, вероятно, знаете, что он родился в Севенне, в бедной крестьянской семье?

- Я знаю лишь, что он из крестьянской семьи.

- То, чего он добился, произошло исключительно благодаря его собственному уму и сильной воле. Без всякого преувеличения можно сказать, что у него никогда не было детства. Вы понимаете, что я этим хочу сказать?

- Прекрасно понимаю.

- У него попросту природный дар. Хоть я и его жена, но рискну утверждать, что он - гений. И многие говорят это, и еще будут говорить.

Мегрэ одобрительно кивал.

- У большинства людей странное отношение к гениям. Они считают вполне нормальным, что те отличаются от всех умом и профессиональными способностями. Никого из больных не удивляет, например, то, что профессор Гуэн поднимается в два часа ночи, чтобы провести операцию, которую только он в состоянии сделать, а ровно в девять утра он должен быть в больнице у своих пациентов. Однако все эти больные будут шокированы, если узнают, что профессор Гуэн отличается от них и в остальных вопросах.

Мегрэ догадался, куда она клонит, но предпочел, чтобы мадам Гуэн закончила свою мысль. Она сделала это с полным самообладанием.

- Его никогда не интересовали мелкие жизненные радости. У него и друзей-то нет. Не припомню, когда он в последний раз ездил в отпуск. Его жизненная сила и энергия поразительны. Но единственным способом снять это напряжение для него являются лишь женщины.

Она бросила быстрый взгляд на Люка и снова обратилась к Мегрэ.

- Надеюсь, вас это не шокирует?

- Абсолютно нет.

- Вы понимаете, о чем я говорю? Профессор не из тех людей, что способны ухаживать за женщинами. Он просто не любит этого, да у него и не хватает терпения. Ему нужна от женщины только грубая физическая близость, и вряд ли он когда-либо в жизни влюблялся.

- В вас он тоже не был влюблен?

- Я сама часто задумывалась над этим. Понятия не имею. Мы поженились двадцать лет назад. Когда мы познакомились, он был холостяком и жил один со старой служанкой.

- В этом доме?

- Да. Он снял эту квартиру случайно, когда ему было тридцать лет, и ему не приходило в голову сменить ее, даже когда он стал профессором в больнице Кошен, находящейся на другом конце города.

- Вы работали в больнице вместе с ним?

- Да. Думаю, что я могу быть с вами откровенной? Долгое время он не обращал на меня ни малейшего внимания. Я, конечно, знала, как и все в больнице, что через его постель прошло большинство сестер. Но на следующий день он забывал об этом. Однажды ночью, когда я дежурила и мы оба ждали результата одной очень сложной операции, которая длилась три часа... тогда мы и стали близки.

- Вы его любили?

- Думаю, что да. Во всяком случае, восхищалась им, как и все медсестры. И меня очень удивило, когда через несколько дней он пригласил меня пообедать в один ресторанчик на Фа-бур Сен-Жак. Спросил, замужем ли я. Раньше это его не интересовало. Потом спросил, чем занимаются мои родители, я ответила, что отец мой рыбак в Бретани. Вам не скучно?

- Нет, отчего же.

- Мне так бы хотелось, чтобы вы все поняли.

- Вы не боитесь, что муж, вернувшись, удивится, не застав вас дома?

- Прежде чем спуститься к вам, я позвонила в клинику Сен-Жозеф, где он оперирует. Раньше половины восьмого он не вернется.

Было только четверть седьмого.

- О чем это я говорила? Ах, да, мы вместе обедали, и Гу-эн спрашивал, чем занимается мой отец. Сейчас мне понятно, почему он об этом спрашивал, и мне не хотелось, чтобы вы ошиблись. Он успокоился и даже был доволен, что я прихожу из такой же простой семьи, как и он. Ведь никто не знает, как он страшно, я бы даже сказала болезненно, смущается, когда встречает людей, принадлежащих к иному социальному слою. Думаю, что именно из-за этого он не женился до сорока лет, и, как говорится, не вращался в обществе.

- Понимаю.

- Я не раз спрашивала себя, мог ли он с другой... Она покраснела, и слова ее сразу приобрели определенный смысл.

- Он привык ко мне, но не прекращал связей с другими, как делал это и раньше. А потом спросил как-то раз мимоходом, не хотела бы я выйти за него замуж. Я согласилась. Вот и вся наша история. С тех пор я живу здесь и веду дом.

- Служанка ушла?

- Через неделю после свадьбы. Наверное, не стоит говорить, что я не ревновала. Это было бы смешно с моей стороны. Он продолжал спать с медсестрами, со своими ассистентками и вообще со всеми первыми попавшимися девушками. Конечно, при условии, чтобы они не усложняли ему жизнь. И это очень важный аспект. Он ни за что на свете не пошел бы на любовную связь, если бы это отнимало время, предназначенное для работы.

- А Лулу?

- Дойдем сейчас и до нее. Вы увидите, что с ней было точно так же, как и с остальными.

Позвольте стакан воды?

Люка хотел встать, но мадам Гуэн уже направилась в кухню, откуда донесся шум льющейся из крана воды. Когда она снова уселась в кресло, то губы ее были влажны, и на подбородке висели капли воды.

Ее нельзя было назвать красивой в обычном смысле этого слова, даже хорошенькой, несмотря на правильные черты лица. Но на нее было приятно смотреть. Она излучала чувство покоя. Мегрэ подумал, что если бы он заболел, то лучшей медсестры и не надо было бы желать. Она принадлежала к тому типу женщин, с которыми можно пойти куда-нибудь пообедать или поужинать, и вовсе не обязательно при этом ломать голову над тем, как поддерживать разговор. Одним словом, хороший друг, все понимающий, ничему не удивляющийся и ми на что не обижающийся.

- Думаю, что вам известен его возраст?

- Шестьдесят два года.

- Да. Но должна заметить, что он держится молодцом. Я думаю, что все мужчины в определенном возрасте испытывают ослабление потенции. Думаю, что это происходит со всеми

мужчинами. Впрочем, я не знаю. Так или иначе, но Этьен значительно увеличил свою сексуальную активность. Вас это по-прежнему не шокирует?

- Вовсе нет.

- Года два назад он оперировал молодую пациентку, Луизу Филон, и буквально спас ей жизнь. Вы, конечно, уже все о ней знаете? Она вышла из самых низов, и, вероятно, именно это заинтересовало моего мужа.

Мегрэ молча кивал головой, ибо все, о чем она говорила, было сущей правдой и соответствовало данным, имевшимся у полиции.

- Очевидно, это началось еще в больнице, когда она выздоравливала после операции. Потом он снял для нее квартиру на улице Лафайет. Он сделал это после короткого разговора со мной, но о деталях умолчал. В этих вопросах он был и остается стыдливым. Например, совершенно неожиданно, во время еды, он вдруг признавался мне в том, что сделал или только намеревается сделать. Я никогда не задавала вопросов. Потом мы уже к этому не возвращались.

- Это было вашей идеей переселить девушку в этот дом? То, что Мегрэ сам дошел до этого, казалось, доставило ей удовольствие.

- Чтобы вы лучше меня поняли, я должна рассказать вам еще кое-какие детали, ибо в них вся суть. Раньше Этьен сам водил машину. Но несколько лет назад, точнее четыре года, он попал в аварию на площади Согласия. Он зацепил какую-то женщину, к счастью, отделавшуюся ушибами. Но на него это произвело огромное впечатление, и с тех пор он уже не мог садиться за руль. В течение нескольких месяцев мы держали шофера, но он никак не мог к нему привыкнуть. Его шокировало, что человек, полный сил, только и должен, что часами ждать его в автомобиле. Я предложила возить его, но это тоже не получилось, и он стал пользоваться такси. Свыше года машина простояла в гараже, и в конце концов мы ее продали. Каждое утро одно и то же такси возит его на работу. Отсюда до Фобур Сен-Жак довольно далеко. У него есть пациенты в Нейли, а также и в других больницах. Так что если бы ему приходилось еще ездить на улицу Лафайет... Мегрэ слушал внимательно, кивая головой, а Люка, казалось, начал дремать.

- Случайно в этом доме освободилась квартира.

- Минуточку. Муж часто проводил ночи на улице Лафайет?

- Только часть ночи. Ему важно быть дома к утру, когда приходит его ассистентка, являющаяся одновременно и его секретарем.

Она слегка при этом улыбнулась.

- Это несколько усложняло ему жизнь. В конце концов я предложила устроить девочку в нашем доме.

- Вы знали, кто она?

- Я знала о ней все, включая и то, что ее любовника зовут Пьеро.

- Муж тоже знал о нем?

- Да, но он не ревновал. Ему, конечно же, не понравилось бы, застань он его с Лулу, но, поскольку это происходило за его спиной...

- Продолжайте. Его это не устраивало. А ее?

- Кажется, какое-то время она сопротивлялась.

- Какие, по-вашему, чувства испытывала Луиза Филон к профессору?

Мегрэ совершенно машинально стал говорить о профессоре таким же тоном, как и мадам Гуэн. Он говорил о человеке, которого никогда не видел, так, словно тот присутствовал в комнате.

- С ней было так же, как и с другими. К тому же, не забывайте, что он спас ей жизнь и обращался с ней так, как никто до этого.

Ее рассуждения были четки и логичны.

- Чтобы быть с вами до конца откровенной, убеждена, что и деньги сыграли свою роль. Точнее, не сами деньги, а связанная с ними перспектива беззаботной жизни.

- Лулу никогда не думала оставить профессора, чтобы жить только с Пьеро?

- Насколько мне известно, нет.

- Вы видели ее любовника?

- Я встретила его как-то у входа.

- Он часто сюда приходил?

- В принципе нет. Они встречались где-то после обеда, но я не знаю где. Здесь он ее редко навещал.

- Ваш муж знал об этом?

- Возможно.

- Как вы считаете, он высказывал недовольство?

- Возможно, но не из-за ревности. Это трудно объяснить.

- Ваш муж очень был привязан к Лулу?

- Она ему обязана всем. Ведь он буквально воскресил ее. А может быть, он думал о том дне, когда у него не будет уже других женщин? Мне кажется, но это только мои предположения, что перед ней он совершенно не испытывал чувства стыда.

- А перед вами?

С минуту она молча всматривалась в лежащий на полу ковер.

- Я все-таки женщина.

Комиссар едва не воскликнул: "А она была ничем?" Потому что мадам Гуэн, наверняка, именно так и подумала, а может быть, и профессор именно думал так?

Какое-то время все трое молчали. За окном бесшумно шел дождь. В доме напротив зажгли свет, и за кремовыми занавесками была видна двигавшаяся тень.

- Расскажите мне о вчерашнем вечере, - произнес Мегрэ и, указав на свою набитую трубку, добавил:

- Вы позволите?

- Конечно.

Комиссар так был захвачен разговором, что совершенно забыл о курении.

- О чем бы вы хотели услышать?

- Сначала одна деталь. Муж обычно ночевал у нее?

- Очень редко. Наша квартира занимает целый этаж. Слева - гостиная.

Справа - спальня и ванная комната мужа, библиотека и еще одна комната, где хранится научная литература, и, наконец, его кабинет и комната секретарши.

- Вы спите в разных комнатах?

- Так было всегда. Наши спальни разделяет гардеробная.

- Могу я задать вам один нескромный вопрос?

- Это ваше право.

- Вы поддерживаете супружеские отношения с мужем?

Мадам Гуэн еще раз бросила взгляд на беднягу Люка, который явно чувствовал себя лишним в этой компании и не очень хорошо представлял, как ему себя вести.

- Редко.

- У вас есть любовник?
- Эта мысль мне как-то не пришла в голову. Она на секунду умолкла, стараясь перехватить взгляд комиссара.
- Вы мне верите?
- Да.
- Спасибо. Люди не всегда любят правду, а когда долго живешь с таким человеком, как профессор Гуэн, приходится идти на некоторые жертвы.
- Так, значит, он спустился к ней, а потом поднимался обратно?
- Да.
- А вчера вечером?
- Нет. Это происходит не каждый день. Иногда его визит продолжается лишь несколько минут раз в неделю. Все зависит от того, сколько у него работы.
- Он поддерживает контакты и с другими женщинами?
- Да, то есть такого типа контакты, о которых я вам уже говорила.
- А вчера?
- Он видел ее несколько минут после обеда. Я знаю это точно, поскольку, уходя, он не вызвал лифт, а это верный признак. Значит, он спустился по лестнице к ней.
- Почему вы считаете, что он оставался всего несколько минут?
- Я слышала, как он вышел из ее квартиры и вызвал лифт.
- Вы следили за ним?
- Вы страшный человек, комиссар. Да, я слежу за ним, как и всегда, но вовсе не из ревности. Как вам это объяснить получше? Я считаю своим долгом охранять его, знать обо всем, что он делает, где находится, мысленно следовать за ним.
- В котором часу это было?
- Около восьми. Мы быстро пообедали, поскольку вечером профессор должен был поехать в больницу Кошен. Его беспокоило состояние пациента, которого он в тот день оперировал, и он хотел подежурить у его постели.
- Значит, он провел в этой квартире несколько минут и затем вызвал лифт?
- Да. Его ассистентка, мадам Деко, ждала его внизу, как это она обычно делает, когда приходится возвращаться в больницу. Она живет в двух шагах от нас, на улице Акаций, и они всегда едут на работу вместе.
- Она тоже? - спросил комиссар, давая понять этими словами, что он имел в виду.
- При случае, и она тоже. Вам это кажется чудовищным?
- Нет.
- О чем я говорила? Ах, да. Около половины девятого пришла моя сестра.
- Она живет в Парнасе?
- Да, на бульваре Сен-Мишель, напротив горного института...
- Антуанетта на пять лет старше меня и никогда не была замужем. Она работает в библиотеке, это типичная старая дева.
- Ей известен образ жизни вашего мужа?
- Всего она не знает, но и того, что ей известно, достаточно, чтобы ненавидеть и презирать его.
- Они между собой не ладят?

- Моя сестра не разговаривает с Этьеном. Она очень религиозна, и для нее профессор - истинное исчадие ада.

- А как он относится к ней?

- Попросту не замечает ее. К тому же она приходит редко, и только тогда, когда я бываю дома одна.

- Она его избегает?

- По возможности.

- Однако вчера...

- Я видку, что консьержка много наболтала вам. Верно, вчера вечером они встретились. Я ожидала прихода мужа около полуночи, поэтому мы с сестрой спокойно беседовали.

- О чем?

- Обо всем и ни о чем.

- О Лулу речь шла?

- Не припоминаю.

- Но вы не уверены, что о ней не говорили?

- Как раз уверена. Я даже сама не знаю, почему так подробно отвечаю на ваши вопросы. Мы говорили только о наших родителях.

- Они уже умерли?

- Мать умерла, а отец живет в департаменте Финистер. Там же живут и наши сестры. Нас было восемь человек детей - шесть сестер и два брата.

- Кто из них живет в Париже?

- Только я и Антуанетта. В половине двенадцатого, а может, и пораньше вернулся Этьен. Он ограничился кивком. Антуанетта почти тотчас же попрощалась и ушла.

- Муж: уже не спускался вниз?

- Нет. Вид у него был усталый, он беспокоился за больного, состояние которого его не удовлетворяло.

- Полагаю, он имел ключ от этой квартиры?

- Конечно.

- В течение вечера не происходило чего-нибудь необычного? Вы с сестрой не слышали никакого шума?

- В таких старых домах не слышно, что делается в соседней квартире, не то что на другом этаже. Она посмотрела на часы и забеспокоилась.

- Простите, комиссар, но мне пора подняться к себе. Этьен должен прийти с минуты на минуту. У вас нет больше ко мне вопросов?

- Пока нет.

- Вы считаете, не удастся обойтись без допроса мужа?

- Ничего не могу вам обещать определенно, но постараюсь не беспокоить вашего супруга без особой надобности.

- Спасибо, господин комиссар.

Она повернулась к выходу, и ее взгляд упал на картонную коробку с фотографиями, но комиссар не смог заметить выражения ее лица.

ГЛАВА IV

Интересно, что в машине, везшей Мегрэ в полицию, он не думал ни о профессоре Гуэне, ни о его ясене, а совершенно бессознательно о Луизе Филон, фотографии которой он перед уходом из квартиры положил в бумажник.

Даже на этих фото, сделанных на вечерах, когда Луиза должна была бы быть особенно хороша и жизнь должна была бы бить из нее ключом, на лице ее не было и тени улыбки. Мегрэ знал много девушек, подобных ей, такого же происхождения, прошедших точно такое же детство, даже закончивших жизнь так же плачевно, как и Луиза. Многие из них обладали природной веселостью, которая без видимых причин могла вдруг перейти в истерику или слезы. Иные, как Дезире Броль, с годами становились грубыми и циничными.

Комиссару было трудно судить о Лулу по фотографиям - наверняка при жизни она вызывала в людях подобную реакцию. Ее лицо даже не было печальным, на нем, скорее, застыло выражение обиженной маленькой девочки, стоявшей в одиночестве на школьном дворе и наблюдавшей за играми подружек.

Мегрэ едва ли мог объяснить самому себе, в чем ее обаяние, но он чувствовал его, как чувствовал у подобных ей девиц, которые во время допросов, неизвестно почему, возбуждали его симпатию, и он относился к ним с большей, чем обычно, добротой.

Он представил Лулу в гостиничном номере на улице Ри-кет или в какой-либо иной комнате в квартале Барбе - наверняка она целые дни пролеживала в постели, читала, дремала, а может быть, стояла у окна.

Представлял он ее и сидящей в одном из кафе 18-го квартала, в то время как Пьеро с тремя товарищами играли в белот. Видел, как она с вдохновенным лицом и склоненной на плечо партнера головой танцует в каком-нибудь ресторанчике. И, наконец, перед его взором предстал последний образ: Лулу, стоя в тени, поджидает мужчин, даже не давая себе труда улыбнуться им, и затем ведет своего клиента по лестничке гостиницы, где номера сдаются на часы, выкрикивая хозяйке свое имя.

Немногим более года прожила Лулу в уважаемом доме на авеню Карно. Комиссар с трудом представлял ее в этой обстановке, квартира казалась слишком большой, слишком холодной, да еще рядом с таким человеком, как Этьен Гуэн.

На набережной Орфевр в большинстве кабинетов свет уже не горел. Мегрэ медленно поднялся по грязной лестнице в свой кабинет. Жанвье уже ждал его. Было то время, когда контраст между холодом на улице и домашним теплом особенно ощутим, комната казалась жарко натопленной, и кровь прилиwała к голове.

- Ничего нового?

Полицейская машина работала полным ходом, занимаясь поисками Пьеро Эйро. На вокзалах и аэродроме проверяли документы у похожих на него мужчин. Люди из Специальной бригады обходили гостиницы и меблированные комнаты.

Молодой Лапуэнт с самого полудня ни на шаг не отходил от гостиницы "Дювар", у подъезда которой с наступлением темноты стали кружить проститутки.

Что касается инспектора Жанина, то он, как человек, знакомый с этим районом, пользовался собственными методами поисков. Он знал, что здесь, в северо-восточной части Парижа, находятся каменные джунгли, где человек может скрываться месяцами, где убийство обнаруживается, случалось, через несколько недель после совершения, и тысячи человеческих существ - мужчин и женщин, живущих вне закона, - находят убежище именно здесь.

Время от времени полиция получает отсюда ценные сведения, у нее есть там свои осведомители, но иногда это бывает просто телефонный звонок ревнивой девицы.

- Час назад вам звонил Гастен-Ренет.

Это был эксперт по огнестрельному оружию.

- Что он сказал?

- Утром он принесет письменное заключение. Пуля, которой была убита Луиза Филон, выпущена из автоматического пистолета калибра 6,35.

Такие пистолеты называют любительскими. Настоящие преступники пользуются более серьезным оружием.

- Звонил также доктор Поль. Он просил вас связаться с ним.

Жанвье посмотрел на часы. Было четверть восьмого.

- Скорее всего, он уже добрался до ресторана "Лаперуз", где должен председательствовать на каком-то званом обеде.

Мегрэ набрал номер ресторана. Через несколько минут он уже беседовал с судебным медиком.

- Я провел вскрытие девочки. Возможно, я ошибаюсь, но у меня создалось впечатление, что мы раньше встречались.

- Она несколько раз арестовывалась. Доктор Поль наверняка опознал Лулу не по лицу, изуродованному пистолетной пулей, а по телу.

- Выстрел был произведен с очень близкого расстояния, буквально в упор. Не надо даже быть экспертом, чтобы это установить. Думаю, что стреляли с расстояния двадцать пять - тридцать сантиметров, не более.

- Я полагаю, смерть наступила мгновенно?

- Мгновенно. В желудке сохранились остатки непереваренной пищи, среди которой есть и лангусты.

Мегрэ вспомнил, что на кухне, в мусорном ящике, он видел пустую банку из-под лангустов.

- За едой она пила белое вино. Это вас интересует?

Мегрэ еще не был в этом уверен. На внешней стадии расследования было еще трудно судить, какая информация является важной, а какая нет.

- Но я обнаружил еще одну деталь, которая, наверное, вас удивит. Вам известно, что она была беременна?

Комиссар в самом деле был этим удивлен, причем так, что на минуту онемел.

- Давно? - наконец спросил он.

- Около шести недель. Возможно, она об этом и не знала. А если и знала, то всего несколько дней.

- Вы в этом уверены?

- Абсолютно. Подробности будут в моем заключении. Мегрэ положил трубку и сказал, обращаясь к стоявшему рядом Жанвье:

- Она была беременна.

Однако Жанвье, знавший дело поверхностно, особенно не удивился.

- Что делать с Лапуэнтотом?

- А, правда. Надо послать кого-нибудь ему на смену.

- Лобер сейчас свободен.

- Надо бы и Люка сменить. Хотя это вряд ли что даст, но я бы хотел, чтобы кто-нибудь присматривал за квартирой.

- Могу пойти я, надо только что-нибудь перекусить. Там можно спать?

- Не вижу помех для этого.

Мегрэ просмотрел вечерние выпуски газет. Фото Пьеро еще не поместили, видно, слишком поздно получили его, но сообщили точные приметы музыканта.

"Полиция разыскивает жениха Луизы Филон, музыканта из ночного кафе по прозвищу Пьеро, который последним видел убитую вчера вечером.

Пьер Эйро, неоднократно привлекавшийся к уголовной ответственности, исчез из своей квартиры и, по всей видимости, скрывается в хорошо ему известном квартале Ла Шапель..."

Мегрэ пожал плечами, поднялся из-за стола и, постояв немного в нерешительности, направился к двери.

- Если будет что-нибудь важное, звонить домой?

Мегрэ кивнул. Не было смысла сидеть в кабинете, и, сев в машину, он отправился домой. Как обычно, мадам Мегрэ успела открыть дверь прежде, чем он вложил ключ в скважину. Она ни слова не сказала по поводу его задержки. Ужин уже ждал на столе.

- Ты не простудился?

- Вроде бы нет.

- Сними ботинки.

- Я не промок.

Это было правдой. В этот день комиссар почти не ходил по улице. На полке лежала та же вечерняя газета, которую он уже просмотрел у себя в кабинете. Так что его жена уже обо всем знала и поэтому не задавала ему вопросов.

Она видела, что Мегрэ еще намерен выходить из дома, поскольку он не снял галстука, что обычно делал возвратившись домой. После ужина комиссар открыл буфет, чтобы налить себе сливовицы. Жена молча следила за ним.

- Уходишь?

Еще минуту назад он и сам не был в этом уверен. Он все еще надеялся, что профессор Гуэн позвонит ему. Правда, его убеждение ни на чем не основывалось, хотя и трудно было предположить, что профессор мог подумать, что полиция им не заинтересуется. Ведь столько людей знают о его связи с Лулу.

Комиссар позвонил в квартиру Луизы Филон. Жанвье, только что принявший дежурство, подошел к телефону.

- Ничего нового?

- Ничего, патрон. Абсолютная тишина. Я собираюсь лечь спать.

- Не знаешь, профессор дома?

- Люка говорил мне, что он вернулся в половине восьмого, и я не слышал, чтобы он выходил.

- Спокойной ночи.

Догадывался ли Гуэн, что его жена говорила с Мегрэ? И удалось ли ей ничем себя не выдать? О чем, интересно, говорили они с женой во время ужина вдвоем? Наверняка, у профессора была привычка после ужина запирается у себя в кабинете.

Мегрэ налил себе второй стаканчик, выпил, стоя у буфета, и, подойдя к вешалке в коридоре, снял с нее теплое пальто.

- Надень шарф. Ты скоро вернешься?

- Часа через два.

Ему пришлось пройти пешком до самого бульвара Вольтера, прежде чем он поймал такси. В машине он назвал шоферу адрес: кафе "Грело".

Неоновая вывеска кафе "Грело" отбрасывала фиолетовый отблеск на тротуар, и, пока Мегрэ выходил из такси, он расслышал приглушенную музыку, сопровождаемую тяжелым

притоптыванием. Двое полицейских дежурили под фонарем неподалеку от кафе. У входа стоял какой-то мужчина, вышедший, по-видимому, глотнуть свежего воздуха. Когда он заметил приближающегося Мегрэ, то поспешно вернулся в кафе.

В этих районах всегда так реагировали на его появление. Не успел Мегрэ войти, как двое мужчин стремглав выскочили из кафе, едва не сбив его с ног. Некоторые из сидевших в баре отвернулись от него в надежде не быть узванными.

Маленький, коренастый хозяин заведения устремился навстречу:

- Если вы ищите Пьеро, комиссар...

Он произнес эту фразу нарочито громко, подчеркивая слово "комиссар" и как бы предупреждая сидевших в зале о его приходе. В помещении царил фиолетовый полумрак, лица посетителей были едва различимы. Освещен был только пятачок для танцев, и на лицах танцующих играло слабое отражение от лучей прожекторов.

Музыка продолжала играть, парочки танцевали, но разговоры прекратились, и глаза всех присутствовавших следили за массивной фигурой Мегрэ, отыскивающего свободный столик.

- Вы хотите сесть?

- Да.

- Прошу сюда, комиссар. Что будете пить? Я угощаю.

- Водку.

- Одну водку комиссару Мегрэ.

На балкончике играли четверо музыкантов в черных брюках и темно-красных шелковых рубашках. Один из них, видимо, замечая Пьеро, играл на саксофоне, чередуя его с игрой на аккордеоне.

- Вы хотите поговорить со мной?

Мегрэ покачал головой и взглядом указал на балкончик.

- С музыкантами?

- С тем из них, кто лучше знал Пьеро.

- В таком случае лучше всего с аккордеонистом Луи. Через четверть часа у них будет перерыв, и он сможет ответить на ваши вопросы. Надеюсь, вы не торопитесь?

Во всем Париже осталось всего несколько кафе с оркестром. Об их существовании знали лишь немногие, и здесь больше пили лимонад, чем спиртные напитки.

Четверо музыкантов смотрели сверху на Мегрэ, и по их невозмутимым лицам невозможно было угадать, о чем они думают. Аккордеонист, красивый брюнет лет тридцати, с испанскими бакенбардами, очень походил на начинающего киноактера, играющего любовников.

Мужчина в официантском фартуке с огромным карманом собирал деньги с танцующих, но пары оставались на площадке. Оркестр заиграл танго. Лучи прожекторов сменили свой цвет на красный, и эта краснота сглаживала яркую краску на лицах женщин и обесцвечивала яркие рубашки музыкантов.

Но вот они отложили инструменты, и хозяин шепнул что-то аккордеонисту.

Луи еще раз посмотрел на столик Мегрэ, прежде чем решился спуститься по приставной лестнице вниз.

- Садитесь, - предложил комиссар.

- Перерыв всего десять минут.

- Этого времени нам хватит. Что будете пить?

- Ничего.

Наступило молчание. Сидевшие за другими столиками, внимательно наблюдали за ними. Около бара стало тесно. Женщины, воспользовавшись перерывом, поправляли свой грим. Луи заговорил первым.

- Вы попали пальцем в небо, - произнес он довольно зло.
- Это вы по поводу Пьеро?
- Пьеро не убивал Лулу. Хотя вы можете мне и не верить.
- Почему же он исчез?
- Он не идиот и знает, что отыграются на нем. Кому нравится, когда его арестовывают?
- Он ваш друг?
- Да, это мой друг, и я знаю его лучше, чем кто-либо иной.
- Может быть, вы знаете, где он сейчас?
- Если бы я и знал, то все равно не сказал бы вам.
- А вы знаете, где он?
- Нет. Со вчерашнего вечера я не имею о нем никаких известий. Вы ведь читали газеты?

Голос Луи дрожал от едва сдерживаемой злобы.

- Люди считают, что если кто-то играет в маленьком кафе, то он обязательно уголовный тип. Может быть, и вы так думаете?

- Нет.
- Видите вон того высокого блондина, который играет на барабанах?

Хотите верьте, хотите нет, но у него среднее образование, и он даже целый год проучился в университете. Его родители - обеспеченные люди, а работает он здесь из любви к музыке. На следующей неделе у него свадьба.

Невеста изучает медицину. Я тоже женат, если вас это интересует, у меня двое детей, жена ожидает третьего, и мы живем в четырехкомнатной квартире на бульваре Вольтера.

Мегрэ знал, что это правда, ибо досконально изучил эту среду.

- Почему Пьеро не женился?
- Это совсем другое дело.
- Лулу не хотела?
- Я этого не сказал.
- Несколько лет назад Пьеро арестовывался за сутенерство.
- Я знаю.
- Ну так?
- Говорю вам, что это другое дело.
- То есть?
- Вы бы и так этого не поняли. Пьеро воспитывался в приюте. Вам это что-то говорит?
- Конечно.

- В шестнадцать лет он начал самостоятельную жизнь. Приходилось рассчитывать только на себя. Быть может, на его месте я делал бы кое-что похуже. Но у меня были родители, как у всех остальных детей. Они и сейчас живы. Если бы вы знали Пьеро, то не пустили бы шпигов по его следам.

- Откуда вам известно, что полиция идет по его следам?

- Газеты выдумывать не станут. Да и в квартале стало заметно появление определенных лиц. Ясно, что это означает. Луи не любил полиции и не скрывал этого.

- Было время, когда Пьеро строил из себя сурового мужчину, - продолжал Луи.
- А в действительности?
- Поверите ли, он очень скромный, даже сентиментальный человек. И это правда.
- Он любил Лулу?
- Да.
- А об ее прошлом он знал?
- Да.
- И продолжал оставаться с ней?
- А что, у него был иной выход? Вот видите, вы ничего не понимаете!
- Почему он согласился, чтобы она стала любовницей богатого мужчины и даже пошла к нему на содержание?
- Это трудно объяснить.
- Почему?
- А что он, по-вашему, мог бы ей предложить? Думаете, он смог бы содержать ее на свой заработок?

- Но вы же в состоянии содержать свою семью, правда?

- Вот тут-то вы и ошибаетесь! У меня жена портниха, и она работает по десять часов в день да еще детьми занимается. Вы никак не поймете: если уж кто родился в этом квартале и никогда не видел ничего лучше...

Луи неожиданно замолчал, а затем добавил:

- Осталось только четыре минуты.

Музыканты с балкончика внимательно смотрели на них, их лица выражали полное равнодушие.

- Я точно знаю, что он ее не убивал. А если и не вырвал ее из лап этого докторишки, то только потому, что...

- Вы знаете, кто был вторым любовником Лулу?

- Ну и что из этого?

- Вам это Пьеро сказал?

- Все знают, что это началось еще в больнице. Я вам сейчас объясню, что по этому поводу думал Пьеро. Это ведь был единственный шанс для Лулу: возможность спокойной жизни и уверенность в завтрашнем дне, шанс выбраться из этого болота. Поэтому-то Пьеро и не противился.

- А Лулу?

- У нее тоже были свои причины.

- Какие?

- Это не мое дело.

- Что за человек она была?

Луи посмотрел на сидящих за столиком девушек и выражением лица дал понять Мегрэ, что она ничем не отличалась от них.

- У нее была тяжелая жизнь, - сказал он, словно объясняя этим все. - Она не была там счастлива.

Подчеркнув слово „там“, он как бы противопоставлял живших в квартале Этуаль сидящим в зале и всем другим жителям бедных районов Парижа.

- Время от времени она приходила сюда потанцевать...

- Она не казалась вам печальной?

Луи пожал плечами, словно давая понять, что в квартале Шапель это слово не имело смысла. И разве можно найти здесь по-настоящему радостных людей? Даже молоденькие продавщицы во время танца не могли освободиться от выражения тоски и безысходности на лице и без конца требовали исполнять грустные мелодии.

- У нас осталась только одна минута. Если я вам еще буду нужен, смогу освободиться лишь через полчаса.

- Когда Пьеро вернулся с авеню Карно вчера вечером, он ничего вам не говорил?

- Извинился за опоздание, сказал, что у него есть очень важная новость, но не уточнил какая.

- Он был хмурый?

- Он всегда хмурый.

- Вы знаете, что Лулу была беременна?

Луи внимательно посмотрел на комиссара, в его глазах появилось сначала недоверие, потом удивление, в конце они стали серьезны.

- Вы в этом уверены?

- Врач, делавший вскрытие, не мог ошибиться.

- Давно она была беременна?

- Шесть недель.

Эта новость произвела на Луи сильное впечатление. Он повернулся к официанту, крутившемуся неподалеку от их столика и старавшемуся подслушать разговор, и попросил:

- Принеси мне что-нибудь выпить, Эрнест Неважно чего.

Он даже забыл, что минута давно прошла, и все никак не мог прийти в себя от удивления. Хозяин кафе внимательно следил за их столиком.

- Этого я не ожидал.

- Я тоже, - произнес Мегрэ.

- Я думаю, что профессор слишком стар для этого?

- Это случается и с восьмидесятилетними.

- Если вы говорите правду, это еще одно доказательство невинности Пьеро.

- Послушайте, Луи.

Музыкант смотрел на комиссара все еще с недоверием, но в его взгляде уже не было прежней агрессивности.

- Возможно, вы что-нибудь узнаете о Пьеро. Я не прошу сообщать мне об этом. Скажите лишь ему, что я хотел бы с ним поговорить в любом удобном для него месте и когда он захочет. Вы меня понимаете?

- И вы его не арестуете?

- Я не могу сказать, что прекращу поиски. Могу только обещать, что после нашей беседы он сможет свободно уйти.

- О чем вы хотите его спросить?

- Еще не знаю.

- Вы все еще думаете, что это он убил Лулу?

- Я ничего не думаю.

- Не думаю, чтобы он как-то связался со мной.

- Но если он это сделает...

- Тогда я передам ему вашу просьбу. А теперь - простите...

Одним глотком выпив содержимое стакана, Луи взобрался на балкончик и занял свое место.

- Официант, счет!

- Платить не нужно. Это за счет хозяина.

Протестовать было бессмысленно. Мегрэ поднялся из-за стола и направился к выходу.

- Удалось узнать что-нибудь новое? - с иронией в голосе обратился к комиссару владелец кафе.

- Благо дарю за угощение.

Бесполезно было искать такси в этом районе, и Мегрэ отправился к бульвару Шапель, отстраняя по дороге девиц, не знавших комиссара в лицо и пытавшихся увлечь его за собой. В трехстах метрах сверкали огни перекрестка Барбе. Дождь прекратился, но туман, окутавший город с утра, не рассеивался, и автомобильные фары окружал ореол.

Улица Рикет. находилась в двух шагах. Комиссар пошел по ней и вскоре обнаружил инспектора Лобера. Это был мужчина почти его возраста, но так и застрявший в инспекторах. Лобер стоял, прислонившись к стене, и курил сигарету.

- Ничего?

- Множество народу входило и выходило, но его я не видел.

У Мегрэ появилось желание отпустить Лобера с дежурства, отправив его спать. Он мог также позвонить Жанвье и тоже отпустить его домой. И на вокзалах бы отменил дежурства, поскольку был уверен, что Пьеро никуда не уедет из Парижа. Но ему приходилось неукоснительно следовать обычной полицейской рутине. Он не имел права рисковать.

- Ты не замерз?

От Лобера здорово пахло ромом. И он не будет жаловаться на свою судьбу до тех пор, пока не закроется быстро на углу. Из-за этого порока Лобер до конца жизни останется в инспекторах.

- Спокойной ночи, старина. Если будут новости, звони прямо домой.

Было одиннадцать часов вечера. Толпы людей выходили из кино после сеанса. Парочки, обнявшись, шли по тротуарам, некоторые целовались в подворотнях, кто-то бежал, стараясь успеть на автобус.

Комиссар свернул в сторону бульваров и вошел в ярко освещенный бар на перекрестке Барбе. По крайней мере, человек пятьдесят стояли у стойки.

Хотя Мегрэ и хотелось выпить рома, он машинально, как и в "Грело", произнес:

- Одну водку.

Лулу наверняка сживала здесь, чувствительная к каждому мужскому взгляду.

Из автомата комиссар позвонил на набережную Орфевр. Он не знал кто дежурит, но по голосу узнал Люсьена, новичка, пришедшего к ним в полицию с дипломом об образовании и прилежно осваивающего полицейскую науку в надежде на повышение в чине.

- Это Мегрэ. Для меня ничего нового?

- Почти ничего, господин комиссар, если не считать двух арабов, подравшихся на улице Гут Д'Ор. Один из них умер на месте, второму удалось скрыться.

Драка произошла в трехстах метрах от него, минут двадцать назад, когда он спокойно шел по бульвару Шапель. А он, как и другие, ничего не знал и ничего не слышал. Убийца, возможно, прошел мимо него. В жизни это обычное явление - люди стараются не замечать того, что происходит вокруг них.

Пьеро, наверное, тоже притаился где-то поблизости, между Барбе и Ла Вилетт. Знал ли он о беременности Лулу? Доктор Поль говорил о шестинедельной беременности, вполне возможно, что

за несколько последних дней у Лулу могли возникнуть подозрения. Делилась ли она ими с профессором Гуэном?

Это было вполне возможно, но маловероятно. Такая женщина, как Лулу, скорее всего, обратится за советом к ближайшему врачу в своем квартале или к акушерке.

Обо всем этом комиссар мог лишь строить предположения. Лулу приходит домой, посетив врача, решения не принимает. По словам мадам Гуэн, профессор после обеда спустился к Лулу, но пробыл там лишь несколько минут.

Мегрэ заказал еще стаканчик. Ему хотелось еще посидеть в баре. Он считал, что это самое лучшее место, чтобы посидеть и подумать о Лулу и Пьеро.

- Она ничего не сказала профессору, - сказал он самому себе.

Скорее всего, она сначала призналась Пьеро. Только этим можно объяснить его внезапный приход к ней. В таком случае, он ее и убил?

Но сначала надо бы удостовериться в том, что она знала о своем положении. Если бы Лулу жила в другом квартале, то вполне естественным было бы обратиться к квартальному врачу. Но в квартале Этуаль, где она чувствовала себя чужой, маловероятно, чтобы она обращалась к местному доктору.

Завтра придется опросить почти всех гинекологов и акушеров Парижа.

Это необычайно важно. После телефонного разговора с доктором Полем Мегрэ уже не сомневался, что будущее материнство Лулу является ключом ко всей драме. Что сейчас подельывает Гуэн, может быть, спокойно спит? Или, воспользовавшись свободным временем, просматривает какую-нибудь научную работу, посвященную хирургии?

Слишком поздно, чтобы поговорить с мадам Броль, жившей неподалеку отсюда, где-то у площади Клиши. Почему она ничего не сказала о профессоре? Разве проводя все утренние часы в квартире Луизы Филон, она не знала любовника своей хозяйки? Они часто оставались вдвоем и болтали.

В этом доме только она могла воспринять признания такой особы, как Луиза Филон.

Консьержка вначале хранила молчание, и это понятно.

Ведь она была признательна профессору и, должно быть, к нему привязана. Можно было бы предполагать, что все лихорадочно стараются его уберечь, и вот это влияние шестидесятилетнего мужчины на окружавших его женщин интриговало Мегрэ.

Гуэн ничего не делал, чтобы обольстить их. Он пользовался ими словно между делом, не делая никаких видимых усилий. И никто не считал это циничным.

Следует допросить и ассистентку Гуэна, Люсиль Деко. Надо поговорить и с сестрой супруги профессора, единственным человеком, на которого Гуэн не произвел никакого впечатления...

- Сколько с меня?

На улице Мегрэ сел в первое попавшееся такси.

- На бульвар Ришар-Ленуар.

- Знаю, господин комиссар, - ответил водитель.

И ему пришла в голову мысль разыскать такси, которое вчера вечером отвезло профессора Гуэна из больницы домой, и допросить водителя.

От выпитого Мегрэ чувствовал себя отупевшим и отяжелевшим. Он закрыл глаза.

Но мысль о Лулу сверлила голову, он вынул из бумажника ее фотографии и стал рассматривать в полумраке такси. На снимках мать Луизы тоже не улыбалась.

На следующее утро на летучку, как обычно, пришли все инспектора, каждый из них прижимал к груди досье разной толщины. Окна кабинета выходили на Сену. На дворе было пасмурно, вода в реке тоже была серого цвета. Люди шли так же быстро, как и вчера утром. Проходя по мосту Сен-Мишель, они ускоряли шаги. На мосту было ветрено, и мужчины, подняв руки, придерживали шляпы, а женщины прижимали подола юбок.

- Вы можете беседовать без меня, комиссар, - предложил шеф.

- Боюсь, что беседа затянется. Будет лучше, если я пройду в свой кабинет.

- Это вы, патрон? - услышал Мегрэ голос Жанвье и сразу же почувствовал возбуждение инспектора.

- Что случилось?

- Он только что ушел отсюда. Рассказать подробности?

- Слушаю тебя.

- Ну так вот. Это произошло несколько минут назад. Самое большое - десять. Я пил в кухне кофе. Не успел еще надеть ни галстука, ни пиджака.

Должен сказать, что я заснул очень поздно.

- А что, что-нибудь происходило?

- Нет, во всяком случае, я ничего не слышал. Просто не мог спать.

- Продолжай.

- Сейчас вы услышите, как все это произошло. Даже странно, что так просто. Сначала я услышал легкий шум ключа, поворачиваемого в замке. Я притаился, став так, чтобы можно было видеть гостиную. Кто-то вошел в прихожую и открыл вторую дверь. Это был профессор. Он оказался более высоким и худым, чем я его себе представлял. Он был в длинном темном плаще, на шее шарф, на голове шляпа, а в руках перчатки.

- Что он сделал?

- Вот именно это я и хотел вам объяснить. Он ничего не сделал.

Просто, как человек, пришедший к себе домой, сделал несколько шагов. Я терялся в догадках, пытаюсь угадать, что он так внимательно рассматривает, и лишь потом сообразил, что на ковре стоят мои ботинки.

Повернув голову, он заметил меня, и брови его слегка нахмурились. Сам он даже не шелохнулся и уж, конечно, ни капельки не смутился и тем более не испугался.

Он смотрел на меня так, как обычно смотрят занятые своими мыслями люди, и им необходимо время, чтобы вернуться к реальной жизни. В конце концов он совершенно спокойным голосом спросил меня: "Вы из полиции?" Я был так поражен его видом, его манерой говорить, что только молча кивнул головой.

Какое-то время мы оба молчали. Но потому, как он смотрел на меня, стоявшего в одних носках, я понял, что он недоволен моей бесцеремонностью. Может быть, это только показалось, и он вообще не обратил никакого внимания на мои ноги. В конце концов я сказал: "Что вы тут делаете, господин профессор?" - "Значит, вам известно, кто я?" Этот человек вел себя так, словно его собеседник был пустым местом, даже когда он смотрел на него, смотрел так равнодушно, словно разглядывал узор на ковре. "Я пришел сюда без всякой цели. Хочу попросту бросить взгляд".

И, действительно, он внимательно посмотрел на диван, где еще лежало одеяло и подушка, которыми я пользовался, принюхался к запаху свежесваренного кофе и спокойно сказал: "Удивляюсь, что ваш начальник до сих пор не поговорил со мной. Можете сказать ему, молодой человек, что, если его интересует беседа со мной, то я в его распоряжении. Сейчас я еду в больницу Кошен, пробуду там до одиннадцати. Затем ненадолго заеду в клинику Сен-Жозеф,

приеду домой на обед, а потом у меня сложная операция в американском госпитале в Нейи". Он еще раз окинул взглядом комнату, повернулся и вышел, закрыв за собой обе двери.

Я открыл окно, чтобы посмотреть на него. Перед домом стояло такси, а на тротуаре его поджидала молодая женщина с портфелем. Она открыла перед ним дверцу и села в машину следом за ним. Думаю, что когда она утром приезжает за ним, то звонит снизу, от консьержки. Это все, патрон.

- Спасибо.

- Думаете, он богат?

- По общему мнению, он зарабатывает много. Бедных оперирует даром, но, когда имеет дело с богачами, заламывает бешеные гонорары. А почему ты об этом спрашиваешь?

- Я не мог заснуть ночью и занялся составлением списка вещей Луизы Филон. Но того, чего можно было бы там ожидать, я не нашел. У нее было всего два меховых пальто, да и то далеко не лучшего качества, причем одно - из искусственного каракуля. Нет ни одной вещи из дорогих магазинов. Конечно, когда она жила в квартале Барбе, тряпки у нее были еще хуже, но то, что я видел, совсем не похоже на гардероб содержанки богача. Не обнаружил я у нее ни чековой книжки, ни ценных бумаг. В сумочке лежали несколько стофранковых ассигнаций, а в ящичке ночного столика двести франков.

- Думаю, что ты уже можешь возвращаться. Ключ от квартиры у тебя есть?

- В ее сумочке я нашел какой-то ключ.

- Запри дверь и укрепи на ней нитку или что-то в этом роде, чтобы мы знали, если кто-то попытается проникнуть в квартиру. Уборщица не появлялась?

Мегрэ не говорил ей вчера, что она должна прийти и убраться в квартире. Никто также не подумал о том, что ей не заплачено.

Возвращаться в кабинет шефа не стоило, утренняя летучка наверняка уже закончилась. Инспектор Лобер, должно быть, здорово промок и устал.

Несомненно, как только открылись бары, он уже и согрелся несколькими стаканчиками рома.

Мегрэ позвонил в комиссариат полиции квартала Гут Д'Ор:

- Жанин на месте? Не пришел еще? Это Мегрэ. Можете послать кого-нибудь на улицу Рикет, сменить одного из моих инспекторов - Лобера?

Передайте ему, чтобы рапорт о результатах дежурства он передал мне по телефону, а сам пусть отправляется спать.

Мегрэ старался вспомнить все, о чем он думал накануне вечером, во время прогулки по улице Барбе, и что он намеревался сделать утром. Он позвонил Люка.

- Все в порядке?

- Да, патрон. Ночью двое полицейских, совершавших на велосипедах объезд двадцатого квартала, задержали и доставили в участок одного типа.

Думали, что это Пьеро. Он был даже похож на него и вдобавок тоже музыкант, но играет в , пивной на площади Бланш.

- Вот что, позвони в Безьер и узнай, живет ли еще в тех местах некий Эрнест Филон, который несколько лет назад лежал в тамошней больнице.

- Понятно.

- Хорошо бы также поговорить с водителями такси, стоящими обычно у больницы Кошена. Кто-то из них позавчера вечером отвозил профессора домой.

- Это все?

- Пока да.

Он выполнял в это утро свою обычную полицейскую работу, а на столе еще лежала целая груда бумаг, не говоря уже о рапорте медэксперта, который следовало передать в прокуратуру.

Однако Мегрэ отложил все дела и попросил телефонистку соединить его с доктором Пардоном, своим другом. С доктором они виделись почти каждый месяц.

- Ты очень занят?

- В приемной четыре или пять больных. Обычно в это время их бывает больше.

- Ты знаешь профессора Гуэна?

- Он оперировал нескольких моих пациентов, а я ему ассистировал.

- Что ты о нем думаешь?

- Это один из лучших врачей не только нашего времени, но и вообще всех времен. В отличие от большинства хирургов, у него не только золотые руки, но и голова не плечах. Он сделал несколько открытий, которые еще долго будут играть огромную роль в медицине.

- А что он собой представляет как человек?

- Что тебя конкретно интересует?

- Просто, что ты о нем думаешь?

- Трудно сказать. Он не общается с простыми квартальными врачами вроде меня. Но и других он тоже держит на расстоянии.

- Его не любят?

- Скорее - опасаются. Особенно отталкивает его манера отвечать на вопросы. Надменно он держится и с некоторыми пациентами. Я слышал рассказ о том, как одна старая и весьма богатая женщина умоляла его взяться за операцию, обещая за это целое состояние. Знаешь, что он ей ответил? "Операция продлит вам жизнь на две недели, может быть, на месяц. Время лее, на нее затраченное, поможет мне спасти жизнь другого больного". Однако обслуживающий персонал больницы Кошен буквально боготворит его.

- Особенно женщины?

- Тебе уже говорили об этом?

- Да. У тебя все?

- Но, независимо от этого, он великий человек.

- Спасибо, старина.

Неизвестно почему, но у Мегрэ вдруг появилось безотчетное желание еще раз поговорить с Дезире Броль. Он мог бы вызвать ее повесткой или, на худой конец, приказать привести в полицию. Так работало большинство инспекторов, а некоторые из них целыми днями не вылезали из своих кабинетов.

Комиссар подошел к Люка, занятому телефонным разговором, и сказал:

- Я выйду часа на два.

Мегрэ взял машину и попросил завезти его на улицу Нол-лет за площадью Клиши, где жила домработница Лулу.

Старое здание, не ремонтировавшееся лет двадцать, снаружи было довольно непривлекательное, да и внутри тоже. Живущие здесь семьи, с каждым годом увеличивающиеся, постепенно выползали уже на лестничные клетки, заполненные играющими детьми.

Мадам Броль жила на пятом этаже, вход был со двора. Лифта в доме не было, лестницы крутые, и Мегрэ пришлось дважды отдыхать, приносиваясь к доносившимся из квартир запахам.

- В чем дело? - крикнул кто-то, когда комиссар постучал в дверь. - Входите, не заперто. Я не могу вас встретить.

Мадам Броль в одном белье, босая, стирала на кухне в жестяном корыте.

При виде комиссара она даже не пошевелилась, не поздоровалась, а спокойно ждала, когда он заговорит первым.

- Я проходил тут, неподалеку, и решил зайти.

- Вот как!

Окна на кухне запотели от пара, и стекла казались матовыми. Из соседней комнаты раздавался храп, и Мегрэ, прежде чем мадам Броль, перехватив его взгляд, закрыла дверь в комнату, успел заметить голые ноги.

- Мой муж спит, - сказала она.

- Пьяный?

- Как обычно.

- Почему вы не сказали мне вчера, кто был любовником Лулу?

- А вы меня об этом спрашивали? Вы только спросили, и я хорошо это помню, видела ли я человека, приходившего к Лулу.

- А вы его никогда не видели?

- Нет - Но вы знали, что это профессор?

Судя по выражению ее лица, можно было и без ответа догадаться, что она знала не только это, а и многое другое. Только она все равно ничего не скажет, разве что ее принудят сделать признание. Не потому не скажет, что хочет что-то утаить или из желания помочь кому-либо, а просто из-за принципиального желания не помогать полиции. И это было вполне объяснимо, если принять во внимание сложившиеся у нее с полицией отношения.

- Луиза говорила вам о нем?

- Случалось.

- Что она рассказывала о нем?

- Много чего!

- У нее не возникало желания оставить его?

- Не знаю, имела ли она такое намерение, но только с ним она не была счастлива.

Не ожидая приглашения, Мегрэ сел на плетеный стул, заскрипевший под его тяжестью.

- Что же мешало ей уйти от него?

- Я не интересовалась.

- Она любила Пьеро?

- Похоже на то.

- Много денег получала она от Гуэна?

- Столько, сколько ей было необходимо.

- И часто ей было необходимо?

- Как только они кончались. Иногда в ее сумочке оставалась только мелочь, и мне не с чем было пойти за покупками. Я говорила ей об этом, она отвечала: "Скоро попрошу".

- Она давала деньги Пьеро?

- Меня это не касается. Если бы она была чуть похитрее... Женщина замолчала.

- То что бы было?

- Во-первых, она никогда бы не согласилась поселиться в этом доме, где она жила, как узница.

- Он запрещал ей выходить из дома?

- Она сама не любила выходить, боялась, что он может внезапно прийти во время ее отсутствия. Она была даже не его любовницей, а чем-то вроде современной рабыни. Он требовал, чтобы она не работала, а целыми днями валялась в постели. А если бы она жила в другом месте и если бы ему пришлось к ней ходить... Впрочем, к чему я вам все это рассказываю? Что вас, собственно, интересует?

- Кое-какая информация.

- Да? Сейчас вам нужна информация, вы приходите и вежливо снимаете шляпу. А завтра, если на свое несчастье я остановлюсь у какой-нибудь витрины, вы меня посадите? Какая информация вас интересует?

Она принялась развешивать белье на веревке, протянутой поперек кухни.

- Вам известно, что Лулу была беременна? Женщина быстро обернулась.

- Откуда вы это знаете?

- Из результатов вскрытия.

- Значит, она не ошиблась.

- Когда она вам об этом сказала?

- Дня за три до убийства.

- Она не была уверена в беременности?

- Нет. Она не пошла к врачу. Боялась.

- Чего?

- Наверное, разочароваться.

- Она хотела иметь ребенка?

- Думаю, что она обрадовалась своей беременности. Но радоваться было рано, и я посоветовала ей обратиться к гинекологу. Сказала, что сейчас доктора могут распознавать даже двух-трехнедельную беременность.

- И она пошла к врачу?

- Спросила меня, знаю ли я кого-либо. Я и дала адрес одного на улице Дам.

- Не знаете, была ли она у этого врача?

- Если и ходила, то мне об этом не говорила.

- Пьеро знал обо всем этом?

- Вы знаете женщин, комиссар? Встречали ли вы такую, кто говорил бы с мужчиной о подобных вещах, прежде чем не удостовериться наверняка?

- Как считаете, профессору она тоже ничего не сказала?

- А это уж вы думайте.

- А что, по-вашему, произошло бы потом, если бы ее не убили?

- Я не умею гадать на кофейной гуще.

- Она бы оставила ребенка?

- Наверняка.

- И осталась бы с профессором?

- По-моему, ушла бы к Пьеро.

- А кто, по ее мнению, был отцом ребенка? Она снова посмотрела на комиссара так, словно он совершенно ничего не понимал в жизни.

- Надеюсь, вы не считаете, что отцом мог быть профессор?

- Всякое бывает.

- У вас есть вопросы ко мне?
- Пожалуй, нет. За что вы ненавидите профессора Гуэна?
- Я уже говорила вам, что никогда его не видела.
- Но вы его ненавидите?
- Я ненавижу всех этих людей.

- Предположим, придя утром в квартиру, вы обнаружили в руке Лулу револьвер. И чтобы исключить мысль о самоубийстве и навести подозрения на профессора, вы бы не попытались спрятать оружие?

- Вы, наверное, очень намучились, расследуя это дело, раз говорите подобные глупости. Я не так глупа. И если полиции придется выбирать между важной персоной и бедным музыкантом, то за все будет расплачиваться этот бедняга.

Мегрэ больше не настаивал. Уже на пороге он обернулся, чтобы спросить имя и адрес врача с улицы Дам.

Врача звали Дюкло. Он лишь недавно поселился в этом районе, закончив обучение, и кабинет имел еще необжитой вид. Здесь были лишь самые необходимые медицинские инструменты, купленные явно по случаю. Когда Мегрэ представился, доктор сразу же понял в чем дело.

- Я так и думал, что раньше или позже ко мне придут.
- Она назвала свое имя?
- Да. Я даже заполнил на нее карточку.
- Когда она узнала о беременности?

Доктор выглядел очень молодо и был похож на студента. Он начал просматривать свою картотеку, видимо, стараясь придать себе больше солидности.

- Она приходила в субботу, по рекомендации женщины, которую я хорошо знаю.
- Да. Мадам Броль.
- Она заявила мне, что беременна, но хотела бы знать это наверняка.
- Минуточку. Она была взволнованная?

- Нет. Я бы этого не сказал. Видите ли, когда девушка ее типа обращается за консультацией, то я всегда жду, что она попросит сделать ей аборт. Не знаю, как в иных кварталах, но здесь это дело обычное. Во всяком случае, я тщательно ее осмотрел, попросил сделать необходимые анализы и назначил следующий визит в понедельник.

- И она пришла?
- В половине шестого. Я подтвердил, что она действительно беременна.

Она поблагодарила меня.

- И ничего больше не сказала?
- Выспрашивала о деталях, но я уверил ее, что никакой ошибки быть не может.
- После ваших слов она выглядела счастливой?
- Уверяю вас, что да.

Значит, в понедельник, в шесть вечера, Лулу вышла от врача и вернулась на авеню Карно. Около восьми, после ужина, профессор, по словам его жены, на минуту зашел в квартиру Лулу, а потом поехал в больницу.

До десяти вечера Луиза Филон находилась у себя одна. Она поела консервированных лангустов и выпила немного вина. Затем, по-видимому, прилегла отдохнуть на незастеленной постели.

В это время Пьеро уже был в своем кафе, так что, в принципе, Луиза могла ему позвонить. Но позвонила она примерно в половине десятого. Для того ли, чтобы сообщить о беременности? Если да, то почему она так долго с этим тянула?

Приехал ли Пьеро на такси? По словам консьержки, он пробыл в квартире Луизы минут двадцать.

Профессор Гуэн, по словам его жены и консьержки, возвратился из больницы сразу после одиннадцати и к своей любовнице не заходил.

На следующее утро мадам Броль, придя в восемь часов утра, чтобы убрать квартиру, находит Луизу мертвой на диване в гостиной. Она утверждает, что никакого оружия рядом с телом не было.

Доктор Поль, известный своей осторожностью в заключениях, полагает, что смерть наступила между девятью и одиннадцатью часами вечера. И, судя по тому, что в "Грело" она звонила в девять, время можно назвать более точно: не с девяти, а с половины десятого.

Что касается отпечатков, обнаруженных в квартире, то они принадлежат четверым: Лулу, ее домработнице, профессору и Пьеро. Моэрс получил отпечатки пальцев профессора Гуэна, послал сотрудника в больницу Кошен, а с идентификацией остальных у полиции трудностей не было - все они оказались в картотеке.

Лулу, по всей видимости, не ожидала нападения, поскольку выстрел был произведен с очень близкого расстояния.

Не было заметно, чтобы в квартире чего-то искали, а это явно говорило о том, что убийство произошло не с целью ограбления.

- Благодарю вас, доктор. Надеюсь, после ее визита никто не приходил к вам с расспросами о ее беременности?

- Нет. Когда я прочитал в газете, что она убита, то подумал, что следует ожидать визита полиции, тем более что Луизу Филон направила ко мне ее домработница, которая наверняка бы все рассказала. Честно говоря, если бы не ваш приход, то я сам бы позвонил в полицию после обеда.

Спустя несколько минут Мегрэ уже звонил мадам Гуэн из телефонного автомата, установленного в одном из кафе на улице Дам. Жена профессора узнала голос комиссара и не удивилась его звонку.

- Я вас слушаю, господин комиссар.

- Вчера вы мне сказали, что ваша сестра работает в библиотеке? В какой именно? s - В муниципальной библиотеке на площади Сен-Сультис.

- Благодарю.

- Вы ничего нового не узнали?

- Только то, что Луиза Филон была беременна.

- Ах так!

Мегрэ сразу же пожалел, что сказал это по телефону, ему хотелось увидеть ее реакцию.

- Вас это удивляет?

- Пожалуй... да. Может быть, это покажется вам смешным, но от женщины подобного типа этого не ждешь.

- Как считаете, ваш муж знал о беременности?

- Он бы наверняка сообщил мне.

- У него никогда не было детей?

- Никогда.

- Он не хотел их иметь?

- Думаю, что ему было совершенно безразлично, есть у него дети или нет. Так уж получилось, что я не смогла иметь детей. Скорее, это моя вина.

Небольшая черная полицейская машина подвезла Мегрэ на площадь Сен-Сультис. Без всяких оснований он не выносил этого места. Всегда, как только он оказывался здесь, у него создавалось ощущение, что это кусочек провинции. Даже магазины выглядели по-иному, а прохожие шли более медленно и казались грустнее, чем в остальных районах Парижа. Скучным было и здание библиотеки, слабо освещенное, заполненное тишиной, словно пустая церковь. В читальном зале находились лишь несколько человек, очевидно, завсегдатаев, перелистывавших какие-то запыленные научные книги. Антуанетта Оливьер, сестра мадам Гуэн, спокойно смотрела на подходившего к ней комиссара. Она выглядела старше своих пятидесяти лет, и на лице у нее застыло презрительное выражение, свойственное некоторым женщинам, полагающим, что их ничем уже не удивишь.

- Комиссар Мегрэ из уголовной полиции, - представился он.

- Я узнала вас по фотографиям в газетах.

Она говорила очень тихо, и у Мегрэ снова возникло ощущение, что он находится в церкви. Хотя нет, не в церкви, а в школе, поскольку Антуанетта указала ему жестом на стул, стоявший у покрытого зеленым сукном стола. Антуанетта была полнее своей сестры, менее живой, цвет ее кожи напоминал восковую бледность монахинь.

- Вы пришли, полагаю, чтобы получить какие-то сведения?

- Да. Мадам Гуэн сказала, что вчера вечером вы были у нее в гостях.

- Верно. Я пришла в половине девятого, а ушла в половине двенадцатого, сразу же после прихода хорошо вам известного типа.

То, что она даже не произнесла имени профессора, казалось для нее знаком высшего отвращения, а слово "тип", которое она произнесла чуть ли не по слогам, казалось, очень ей нравилось.

- Вам часто случается проводить вечера у сестры?

- Редко, - ответила она с сожалением.

- Уточните, пожалуйста, раз в полгода, раз в год или один раз в два года?

- Пожалуй, раз в год.

- Вы договаривались о встречах заранее?

- Мне не нужно договариваться с собственной сестрой.

- Стало быть, вы направились к ней, не зная, дома ли она? У вас дома есть телефон?

- Да.

- И вы не позвонили сестре?

- Она мне позвонила.

- И попросила вас прийти?

- Не совсем. Сначала мы поговорили о разных вещах.

- Каких?

- В основном, о семейных. Она редко пишет родственникам, переписку с братьями и сестрами поддерживаю, в основном, я.

- Она сказала, что хотела бы с вами увидеться?

- Что-то в этом роде. Спросила, свободен ли у меня этот вечер.

- Во сколько это было?

- Примерно в половине седьмого. Я только что пришла домой и готовила ужин.
- Звонок вас не удивил?
- Нет. Я лишь уточнила, будет ли он дома. А что он вам сказал?
- Вы имеете в виду профессора Гуэна?
- Да.
- Я с ним еще не беседовал.
- Очевидно, потому, что вы считаете его невиновным? Знаменитый хирург, член Медицинской академии и... - она продолжала говорить так же тихо, только тон ее голоса стал более резким.
- Что произошло, когда вы пришли на авеню Карно? - прервал женщину Мегрэ.
- Я поднялась наверх, поцеловала сестру в щеку и разделась.
- В какой комнате вы беседовали?
- В маленькой, рядом с комнатой Жермен. Она называла ~" ее будуаром. Салон в квартире слишком велик и неуютен, и почти всегда пустует.
- А чем вы занимались потом?
- То, что обычно делают сестры, особенно в нашем возрасте, если они не виделись несколько месяцев. Сидели, болтали, я рассказывала о том, что происходит в нашей семье. Говорила и о нашем племяннике Франсуа, который год назад был посвящен в сан и уехал миссионером в Северную Канаду.
- Вы что-нибудь пили?
- Этот вопрос не только удивил ее, но попросту шокировал до такой степени, что она покраснела.
- Сначала мы выпили по чашечке кофе.
- Прислуга еще находилась в квартире?
- Обе служанки пришли пожелать нам спокойной ночи и потом, часов в девять, пошли спать. Кухарка работает у моей сестры уже двенадцать лет.
- Домработницы сменяются довольно часто, надеюсь, понятно из-за чего?
- Мегрэ не стал уточнять из-за чего, он понял.
- Жермен предложила приготовить грог и пошла для этого на кухню.
- А чем вы занимались в это время?
- Читала в каком-то журнале статью о нашей деревне.
- Сестра долго отсутствовала?
- Ровно столько, сколько нужно, чтобы вскипели два стакана воды.
- Случалось прежде, что, уходя от сестры, вы сталкивались с ее мужем?
- Я избегала встреч с ним.
- Вы удивились, что на этот раз он вернулся раньше?
- Сестра уверяла меня, что раньше полуночи он не вернется.
- Но ничего особенного вам в глаза не бросилось?
- Это человек, который считает, что он выше всех моральных принципов и норм приличия.
- Значит, ничего особенного в его лице вы не заметили?
- Як нему не приглядывалась и вообще считаю ниже своего достоинства смотреть на этого типа. Я оделась и вышла из квартиры, хлопнув дверью.
- В тот вечер вы не слышали никакого шума, выстрела, например?
- Нет. Примерно до одиннадцати кто-то этажом ниже играл на пианино.

Какое-то из произведений Шопена.

- Вы знали, что любовница профессора была беременна?

- Меня это не удивляет.

- Сестра говорила вам об этом?

- Она вообще не говорила мне о той девушке.

- Но вы обо всем знали? Она снова покраснела.

- Кажется, сестра узнала об этом в самом начале, когда этот тип поселил Луизу в этом же доме.

- Это ее нервировало?

- Каждый живет так, как ему нравится. Невозможно прожить столько лет под одной крышей с таким человеком, если хотя бы частично не воспримешь его взглядов на жизнь.

- Иначе говоря, ваша сестра не имела к мужу претензий и не сердилась на него за то, что он поселил Луизу Филон в этом доме?

- Куда вы клоните?

С трудом он мог бы ответить на этот вопрос. Ему казалось, что он идет по дороге, еще не зная, чем она кончится. Пока ему хотелось лишь создать образы людей, которые знали Луизу, и образ самой Лулу.

Во взгляде Антуанетты бушевала такая ненависть к профессору, что она не позволила Мегрэ даже рта открыть.

- Когда вы в конце концов его арестуете?

- Вы думаете, что именно он убил Луизу Филон?

- А кто же еще!

- Например, ее любовник Пьеро.

- Зачем ему было ее убивать?

- Из ревности или потому, что она хотела порвать с ним.

- А профессор, вы считаете, не был ревнивцем? Разве мужчина в его возрасте не может сходить с ума, видя, что его любовница предпочитает молодого человека? А если Луиза решила порвать именно-с ним?

Она все время сбивалась на версию виновности профессора.

- Если бы вы знали его получше, то поняли, что такой человек способен на все.

- А я-то думал, что он посвятил свою жизнь спасению людей.

- Из тщеславия! Чтобы доказать всему миру, что он величайший хирург нашего времени. И чтобы всех в этом убедить, он берется только за самые сложные операции.

- А может быть, другие врачи просто не решаются на такие операции?

- Вы его защищаете, даже не представляя, что это за человек.

- Просто я пытаюсь его понять, вот и все.

- Это не так уж и сложно.

- Вы забываете, мы знаем по результатам вскрытия, что преступление было совершено до одиннадцати часов. Профессор же возвратился позднее.

Консьержка видела, что он пришел после одиннадцати и поднялся сразу на пятый этаж.

- А откуда известно, что он не побывал у Луизы раньше?

- Полагаю, что в больнице легко установить его распорядок операций в тот день.

- Вы уже сделали это?

На этот раз Мегрэ сам чуть не покраснел.

- Еще нет.

- Так займитесь этим как можно быстрее. Это будет гораздо полезнее, чем преследовать ни в чем не повинного парня.

- Вы ненавидите профессора?

- И его, и всех на него похожих.

Она произнесла эти слова с такой силой, что трое читателей одновременно подняли головы.

- Вы забыли шляпу.

- Я подумал, что оставил ее при входе...

Антуанетта пренебрежительным жестом указала на стол, где лежала шляпа комиссара. Мужская шляпа на зеленом сукне стола в ее глазах выглядела, по крайней мере, непристойно.

ГЛАВА VI

Когда Мегрэ прибыл в больницу Кашен на Фабурж Сен Жак, Этьен Гуэн вместе со своей ассистенткой уже уехал в клинику Сен-Жозеф в Пасси.

Комиссар ожидал этого - шел уже двенадцатый час. В этот свой приезд он не хотел беседовать с профессором. В глубине души он считал это преждевременным.

Отделение профессора находилось на третьем этаже, и Мегрэ долго пришлось объяснять цель своего визита, прежде чем ему позволили подняться наверх. В длинном больничном коридоре царил большее движение, чем ожидал увидеть комиссар. Мимо него быстрым шагом проходили озабоченные медсестры. Он обратился к одной из них, выглядевшей менее занятой. Это была женщина средних лет с седыми уже волосами.

- Вы старшая медсестра?

- Да, но только во время сегодняшнего дежурства. Комиссар представился и добавил, что хотел бы задать ей несколько вопросов.

- О чем?

- Операционный зал в конце коридора?

- Верно, это одна из операционных.

- Там ли находится хирург, если ему нужно часть ночи провести в больнице?

- Простите, я вас не понимаю. Вы хотите спросить - во время проведения операции?

- Нет. Если не ошибаюсь, врачам случается иногда оставаться в больнице после дежурства. Скажем, когда они опасаются внезапных осложнений или олсидают результата операции.

- Такое случается. Только в чем дело-то?

- И где они тогда находятся?

- Это зависит от того, сколько они должны оставаться. Если недолго, сидят в моем кабинете или просто прохаживаются по коридору. Если же им предстоит ждать несколько часов, то у нас наверху имеются две комнаты для отдыха.

- Наверх ведет лестница?

- Можно пойти по лестнице или подняться на лифте. Комнаты расположены на пятом этаже. Хирурги обычно отдыхают там, пока их не вызовут.

- Не смогу ли я поговорить с теми, кто работал позавчера вечером?

- После восьми?

- Да. Те, кто находился здесь в ночь с понедельника на вторник.

- Все медсестры, работающие сейчас, как и я, составляем дневную смену. Но, может быть, кто-то из практикантов остался. Подождите минуточку.

Она заглянула в несколько кабинетов и вернулась в сопровождении рыжеволосого, высокого и костлявого мужчины. На его носу с трудом держались очки с толстыми стеклами.

- Этот господин из полиции, - представила она комиссара вошедшему мужчине. Затем повернулась и пошла в свой кабинет, оставив их одних.

- Комиссар Мегрэ, - уточнил комиссар.

- Мне сразу так показалось. Вы хотите о чем-то расспросить меня?

- Вы дежурили в ночь с понедельника на вторник?

- Да, большую часть ночи. Профессор оперировал ребенка в понедельник, во второй половине дня. Случай был тяжелый, и он попросил меня подежурить у его постели.

- А его самого разве не было в больнице?

- Он находился в больнице до позднего вечера.

- И все время на том же этаже, что и вы?

- Он приехал с ассистенткой примерно в восемь. Мы вместе пошли в палату больного и довольно долго там пробыли. Боялись, что наступит осложнение, но этого не случилось. Думаю, что чисто профессиональные детали вас не интересуют?

- Я бы и так ничего не понял. Сколько времени вы пробыли у постели больного: час, два?

- Около часа. Мадам Дюко настаивала, чтобы профессор пошел отдохнуть, поскольку прошлой ночью у него тоже была сложная операция. Кончилось тем, что он поднялся наверх, в комнату отдыха.

- Как он был одет?

- Он был в обычном костюме.

- Мадам Дюко осталась с вами?

- Да. Мы немного поболтали. Профессор спустился к нам около одиннадцати. Мы пробыли вместе у постели больного примерно четверть часа, а потом, поскольку профессор решил, что опасность миновала, решили пойти домой.

- Профессор ушел с мадам Дюко?

- Они почти всегда приходят и уходят вместе.

- Выходит, с без четверти девять и до одиннадцати профессор находился в комнате отдыха один?

- Один. Во всяком случае, в комнате. Но почему вы меня об этом спрашиваете?

- Он мог спуститься вниз незамеченным?

- По лестнице, да.

- И также незаметно миновать внизу окошечко регистратуры?

- Вполне возможно. У нас не особенно обращают внимание на входящих и выходящих врачей. Особенно ночью...

- Спасибо. Простите, ваше имя?

- Манси. Рауль Манси.

Так, значит, сестра мадам Гуэн не ошибалась. Профессор мог, никем не замеченный, выскользнуть из больницы, приехать на авеню Карно и вернуться совершенно незаметно.

- Думаю, мне не обязательно знать, чем вызван ваш визит сюда, - начал было молодой человек в тот момент, когда Мегрэ собрался уходить.

Комиссар кивнул и направился к лестнице.

Когда комиссар, прибыв на набережную Орфевр, проходил по коридору к своему кабинету, то, как обычно, он не посмотрел через стеклянную дверь в комнату ожидания для свидетелей, а заглянул в инспекторскую. Люка, поднявшись, сразу же сказал:

- Есть новости из Бизьера.

Комиссар почти забыл про отца Луизы Филон.

- Он умер года три назад от цирроза печени. Перед смертью время от времени работал на городской скотобойне.

- Какой-то Луи уже полчаса ожидает вас.

- Музыкант?

- Похоже на то.

- Пригласи его в мой кабинет.

Мегрэ снял пальто и шляпу, удобно устроился за столом и взял в руки одну из разложенных на нем набитых трубок. Немного спустя в кабинет ввели аккордеониста. Он слегка был взволнован и, прежде чем сесть, затравленно оглянулся, словно опасаясь, что попал в ловушку.

- Оставь нас одних, Люка, - и тут же добавил, обращаясь к Луи:

- Если у вас есть время, то можете снять пальто.

- Не стоит. Он мне звонил.

- Когда?

- Сегодня утром. Сразу же после десяти.

Он внимательно посмотрел на комиссара и, видимо, все еще ожидая подвоха, спросил:

- Наша договоренность остается в силе?

- Вы имеете в виду вчерашнюю? Ну, разумеется. К тому же, если Пьеро невиновен, то ему нечего нас бояться.

- Он ее не убивал. Мне бы он наверняка признался. Я ему передал ваше предложение, объяснив при этом, что вы готовы встретиться с ним в любом месте и в любое время. И добавил, чтобы он не опасался ареста.

- Давайте поставим все на свое место. Я хочу, чтобы вы меня поняли.

Еще раз повторяю: если я сочту его невинным, то с него полностью будет снято всякое подозрение. Если же я пойму, что он совершил это преступление, либо у меня появятся какие-то сомнения, то я не воспользуюсь нашей встречей, чтобы арестовать его. Короче говоря, я дам ему уйти и лишь после этого снова займусь его поисками.

- Именно так я ему и сказал.

- И как он к этому отнесся?

- Сказал, что ему нечего скрывать и он готов встретиться с вами.

- Он придет сюда?

- Лишь при условии, что на него не набросятся газетчики и фоторепортеры. К тому же он опасается, что на первом же углу его схватят полицейские.

Луи говорил медленно, взвешивая каждое слово, и не спускал глаз с лица Мегрэ.

- Можно устроить эту встречу сейчас? - спросил комиссар.

Он посмотрел на часы. Было около полудня, а это самое спокойное время на набережной Орфевр - с двенадцати до двух часов дня. Коридоры и кабинеты пустовали. Именно такое время Мегрэ выбирал, приступая к наиболее важным и щекотливым допросам.

- Тогда слушайте меня внимательно. Думаю, что немного денег у него есть. Пусть возьмет такси и приедет на набережную Орлож. Там его будет ждать один из моих инспекторов, который и проводит его ко мне через Дворец правосудия.

Луи встал, еще раз внимательно посмотрел на комиссара Мегрэ:

- Я верю вам, - сказал он, словно выдохнув. - Самое большее через полчаса он будет здесь.

Когда Луи вышел, комиссар позвонил в пивную "Дофин" и попросил, чтобы ему принесли наверх чего-нибудь поесть.

- На двоих. И четыре пива.

Потом он позвонил ясене, чтобы она не ждала его к обеду.

Затем, движимый профессиональной совестью, прошел в кабинет шефа и поставил его в известность об эксперименте, который собирался провести.

- Вы считаете, что он невиновен?

- Против него нет никаких доказательств. Если бы он был виновен, ему вовсе не надо было видиться со мной. Или же у него необычайно сильный характер.

- Значит, профессор?

- Не знаю. Ничего пока не знаю.

- Вы говорили с ним?

- Нет. Жанвье беседовал с ним несколько минут.

Шеф полиций чувствовал, что сейчас бесполезно задавать комиссару вопросы. Вид у Мегрэ был мрачный, и на набережной все хорошо знали, что в такое время он становится еще более немногословным.

- Девочка была беременна, - сказал комиссар, словно это что-то объясняло.

Мегрэ вернулся в комнату инспекторов. Люка еще не ушел обедать.

- Ты не нашел еще шофера, который отвозил профессора домой?

- Вечером не повезло, патрон. А сейчас ночные таксисты отсыпаются.

- Хорошо бы поискать водителей обоих такси.

- Не понял, патрон.

- Вполне возможно, что профессор не одним приехал около десяти вечера на авеню Карно, а потом вернулся в больницу уже на другом такси.

- Я велю проверить.

Мегрэ окинул взглядом инспекторов, прикидывая, кому поручить встречу Пьеро, и выбрал молодого Лапуэнта.

- Пойди на улицу и постой перед Дворцом правосудия. Подъедет такси, и из машины выйдет человек. Это Пьеро-саксофонист.

- Приход с повинной?

- Нет. Он приедет побеседовать со мной. Обходись с ним вежливо и не старайся запугать. Проведешь его в мой кабинет через Дворец правосудия.

Я обещал оградить его от встреч с журналистами.

Когда Мегрэ вернулся в кабинет, пиво и бутерброды уже стояли на столе. Комиссар выпил пиво, но бутербродов не тронул, а с четверть часа стоял у окна, глядя в плывшие по серой воде кораблики.

Наконец послышались шаги, комиссар открыл дверь и дал Лапуэнту знак удалиться.

- Пожалуйста, входите, Пьеро.

Бледное лицо музыканта, темные круги под глазами говорили о сильном волнении. Так же, как и его приятель, он поначалу испуганно огляделся, словно человек, ожидающий ловушки.

- Мы одни в комнате, лишь вы и я, - успокоил его Мегрэ. - Можете снять пальто. Давайте его сюда. И комиссар повесил пальто на спинку стула.

- Выпьете?

Комиссар подал музыканту стакан пива, взяв себе второй.

- Садитесь. Я ожидал, что вы придете.

- Почему?

Голос Пьеро был охрипшим, словно он провел бессонную ночь и при этом курил не переставая. Два пальца правой руки у него пожелтели от табака.

Лицо его обросло щетиной, видимо, там, где он скрывался, не было возможности побриться.

- Вы ели что-нибудь сегодня?

- Я не голоден.

Он выглядел моложе своих лет и вел себя так нервозно, что далее смотреть на него было больно. Он весь дрожал и, даже сев, никак не мог успокоиться.

- Вы обещали... - начал он.

- И сдержу свое слово.

- Я пришел добровольно.

- Правильно сделали.

- Я не убивал Лулу.

И совершенно неожиданно, когда Мегрэ меньше всего ожидал этого, он вдруг разрыдался. Наверняка это с ним случилось впервые с того времени, как он узнал о смерти своей подруги. Пьеро плакал как ребенок, закрыв лицо руками, и комиссар ждал, когда пройдет этот приступ. Ведь Пьеро с того момента, как прочитал в газете о смерти Лулу, не имел ни секунды, чтобы подумать о ней, ему приходилось заботиться лишь о спасении собственной шкуры.

И теперь здесь, на набережной Орфевр, лицом к лицу с представителем полицейской власти, которая представлялась ему столь кошмарной, он внезапно почувствовал облегчение.

- Клянусь вам, что я не убивал ее, - повторил он.

Мегрэ верил ему. Ни поведение этого человека, ни его голос не говорили о том, что он виновен. Луи оказался прав, говоря накануне о своем друге как о человеке слабом и лишь притворявшимся сильным.

Ясноглазый блондин с почти кукольным лицом, он не походил на приказчика из мясной лавки, а напоминал, скорее, мелкого чиновника, из тех, что по воскресеньям прогуливаются по Елисейским полям рядом со своими женами.

- Вы действительно считали, что это я?

- Нет.

- Тогда почему вы сказали это журналистам?

- Ничего я им не сказал. Они пишут, что хотят. А обстоятельства указывали на...

- Я не убивал ее.

- Успокойтесь. Можете закурить, если хотите. Рука, в которой Пьеро держал зажженную сигарету, еще дрожала.

- Прежде всего, я должен задать вам один вопрос. Когда вы вечером в понедельник пришли на авеню Карно, Луиза была еще жива?

Пьеро, сверкнув глазами, выкрикнул:

- Ясное дело!

Скорее всего, это соответствовало истине, иначе какой ему был смысл тянуть с бегством до появления сообщения в газете.

- Когда Лулу позвонила в "Грело", вы догадались, о чем она хочет с вами поговорить?

- Понятия не имел. Она была страшно взволнована и хотела срочно со мной увидеться.

- О чем вы подумали?

- Что она приняла решение.

- Какое?

- Оставить этого старика.

- Вы просили ее об этом?

- Два года я умолял ее жить со мной, - и добавил, словно бросая вызов комиссару, да и всему миру:

- Я люблю ее!

- Вы действительно не хотите есть?

На этот раз Пьеро машинально взял один бутерброд, Мегрэ - второй.

Хорошо, что так получилось, они ели оба, и напряжение понемногу спадало.

В соседних комнатах царил тишина, только где-то далеко стрекотала пишущая машинка.

- Бывало уже, что Лулу звонила вам на работу с авеню Карно?

- Нет. С авеню Карно никогда. Раз как-то, когда еще жила на улице Лафайет и почувствовала себя плохо, отравилась чем-то... Она всегда боялась смерти...

Произнесенные слова, по-видимому, столько в нем воскресили, что на глазах его выступили слезы. Лишь спустя какое-то время он успокоился и вновь принялся за бутерброд.

- Что Лулу сказала вам в понедельник вечером? Минуточку. Прежде чем ответите, скажите: у вас есть ключ от ее квартиры?

- Нет.

- Почему?

- Не знаю. Просто так получилось. Я редко ее посещал, и всегда она открывала дверь сама.

- Значит, вы позвонили, и Лулу вам открыла?

- Мне не надо было звонить. Она ждала меня у двери и открыла ее, как только я вышел из лифта.

- Я думал, что в это время она была уже в постели.

- Вероятно, она уже легла и звонила мне, лежа в постели. Встала незадолго до моего прихода и была в халате.

- Она вела себя как обычно?

- Нет.

- Почему?

- Мне это трудно объяснить. Она выглядела так, словно долго над чем-то размышляла, и как раз в этот момент должна была принять окончательное решение. Я даже испугался немного, видя ее в таком состоянии.

- Почему? Пьеро замялся.

- Делать нечего, скажу, - тихо пробормотал он. - Я испугался за старика.

- Полагаю, так вы называете профессора? х - Да. Я все время боялся, что он разойдется с лесной, чтобы жениться на Лулу.

- Об этом шла речь?
- Если даже и шла, она мне об этом не говорила.
- А Лулу хотела, чтобы профессор на ней женился?
- Не знаю. Кажется, нет.
- Она любила вас?
- Я так думаю.

- Вы в этом не уверены?

- Думаю, что женщины в таких вопросах ведут себя по-иному, чем мужчины.

- Что вы этим хотите сказать?

Пожалуй, Пьеро не мог более точно выразить свою мысль - он только пожал плечами.

- Она была бедной девушкой, - пробормотал он.

- Куда Лулу села, когда вы вошли в квартиру?

- Она вообще не стала садиться - была слишком взволнованной. Лулу взад и вперед расхаживала по комнате и внезапно сказала, не глядя на меня: "Хочу сказать тебе что-то очень важное". А затем быстро добавила, словно желая избавиться от гнетущего ее груза: "Я беременна".

- В ее голосе звучала радость?

- Ни радости, ни огорчения.

- Вы считали, что ребенок ваш?

Пьеро не осмелился ответить, но его поведение ясно указывало на то, что для него это очевидно.

- И как вы среагировали?

- Молчал. Как-то странно себя чувствовал. Мне хотелось прилечь к груди.

- Она вам это позволила?

- Нет. Она продолжала расхаживать по комнате, говоря что-то вроде того: "Думаю о том, что я должна сделать. Это все меняет. Это может иметь огромное значение. Если я сказку ему об этом..."

- Она имела в виду профессора?

- Да. Она не могла решиться - говорить ему об этом или нет. Не знала, как старик отреагирует.

И Пьеро, доев свой бутерброд, тяжело вздохнул:

- Не знаю, как вам это объяснить. Я вспоминаю какие-то незначительные детали, а главное ускользает. Никогда не думал, что все так кончится.

- На что вы надеялись?

- Думал, что она бросится мне на шею и скажет, что решила вернуться ко мне.

- А разве эта идея не приходила ей в голову раньше?

- Может быть, и приходила. Я почти уверен, что приходила. Она хотела этого. С самого начала, как только вышла из больницы, она убеждала себя, что обязана ему жизнью, и жила, с ним из чувства признательности.

- Она считала, что связью с профессором оплачивает свой долг?

- Он спас ей жизнь. Думаю, что ни одному из своих больных он не посвящал столько времени, сколько ей.

- Вы поверили в это?

- Во что?

- Поверили, что это из благодарности?

- Я сказал Лулу, что ее никто не заставляет оставаться любовницей профессора. У него достаточно других женщин.

- Думаете, он был в нее влюблен?

- Чувствовалось, что она ему нужна. Думаю, что его тянуло к ней.

- А вас к ней тянуло?

- Я ее любил.

- Почему же тогда она позвала вас к себе?

- Я тоже часто об этом думал.

- В тот день около половины шестого врач с улицы Дам совершенно определенно установил, что Лулу беременна. Могла она тогда зайти к вам?

- Конечно. Она знала, где я обедаю перед тем, как пойти на работу в кафе.

- Она вернулась домой. С половины восьмого у нее был какое-то время профессор.

- Она мне говорила об этом.

- А не говорила она вам, что сообщила новость и профессору?

- Ни слова не сказала.

- Значит, она поужинала и легла. Скорее всего, не уснула, а около девяти позвонила вам.

- Да. Я тоже долго размышлял обо всем этом, стараясь понять. Но до сих пор не могу ни к чему прийти. Уверен только в одном - я ее не убивал.

- Пьеро, скажите откровенно: если бы в понедельник вечером Лулу заявила вам, что не желает больше с вами жить, вы бы убили ее?

Музыкант посмотрел на комиссара с какой-то печальной улыбкой.

- Вы хотите, чтобы я собственными руками затянул веревку у себя на шее?

- Вы можете не отвечать, если хотите.

- Может быть, и убил бы. Но, во-первых, она мне этого не сказала.

Во-вторых, у меня не было револьвера.

- Но ведь когда вас задержали последний раз, при вас было оружие.

- Это произошло несколько лет назад, и полиция мне его не вернула. С того времени у меня нет револьвера. Могу еще сказать, что не стал бы убивать ее подобным образом.

- А как?

- Сам не знаю. Скорее всего ударил бы или задушил. Он уперся взглядом в пол и, помолчав немного, добавил тихо и невыразительно:

- А может быть, я вообще бы ничего не сделал. Есть вещи, о которых думаешь перед сном, но никогда не приведешь их в исполнение.

- И приходилось вам думать перед сном о том, чтобы убить Лулу?

- Да.

- Вы ревновали ее к Гуэну?

Пьеро еще раз пожал плечами, словно давая понять, что словами порой не всегда можно выразить мысли, а правда жизни значительно сложнее.

- Если не ошибаюсь, вы были приятелем Луизы Филон еще до ее знакомства с профессором Гуэном и не возражали против того, что она занимается проституцией.

- Это другое дело.

Мегрэ старался нащупать истину, хотя и понимал, что абсолютная истина ускользает от него.

- Вы никогда не пользовались деньгами профессора?

- Никогда! - резко поднял голову музыкант.
- А подарки от Луизы вы получали?
- Мелочи: галстуки, носки.
- И вы брали?
- Мне не хотелось огорчать ее.
- Как поступили бы вы, оставь она профессора?
- Мы стали бы жить вместе.
- Так, как раньше?
- Нет.
- Почему?
- Потому что это мне никогда не нравилось!
- А на что бы вы жили?
- Так ведь я работаю и зарабатываю на жизнь.
- Немного, если верить тому, что мне говорил Луи.
- Это верно, немного. Но я не собирался оставаться в Париже.
- А куда же вы решили поехать?
- Куда угодно. Хотя бы в Южную Америку или Канаду Он был более наивен, чем предполагал Мегрэ.

- А как Лулу смотрела на эти планы?
- Иногда они ей нравились, и она обещала мне, что мы уедем через месяц-два.
- Эти планы вы строили по вечерам, я полагаю?
- Откуда вы знаете?
- А утром она видела все в более реальном свете.
- Она боялась.
- Чего?
- Умереть с голоду.

Наконец-то в голосе Пьеро прозвучало то, что он так тщательно скрывал, и это что-то важное все время ускользало от Мегрэ.

- Не думаете ли вы, что Лулу связалась с профессором потому, что боялась именно этого?
- Возможно.
- Она, очевидно, часто в своей жизни голодала?
- Я тоже наголодался! - с вызовом в голосе выкрикнул Пьеро.
- Но она все время опасалась, что это вернется?
- Что вы этим хотите сказать?
- Ничего. Просто стараюсь понять. Ясно пока одно: в понедельник вечером кто-то в упор выстрелил из револьвера в Лулу. Вы утверждаете, что это были не вы, и я вам верю.
- Вы, мне действительно верите? - с удивлением прошептал Пьеро.
- Пока у меня не будет уличающих вас доказательств.
- И вы позволите мне уйти?
- Как только мы окончим беседу.
- И отмените объявленный на меня розыск, прикажете полиции оставить меня в покое?
- Далее постараюсь, чтобы за вами сохранилось место в "Грело".

- А журналисты?
 - Я сейчас же сообщу им, что вы добровольно явились в полицию и после беседы мы оставили вас на свободе.
 - Но это еще не означает, что я свободен от подозрений.
 - Я скажу, что против вас нет ни одной улики.
 - Это уже лучше.
 - У Лулу был револьвер?
 - Нет.
 - Вы недавно говорили, что она боялась.
 - Она боялась жизни, нищеты, но не людей. Револьвер был ей совершенно не нужен.
 - В понедельник вечером вы пробыли у нее не больше четверти часа?
 - Мне надо было возвращаться в "Грело". Кроме того, я не любил засиживаться у нее в квартире, зная, что старик каждую минуту может прийти. У него есть ключи.
 - Вы с ним когда-нибудь встречались в квартире?
 - Один раз.
 - И что произошло?
 - Ничего. Это произошло после обеда, в это время он к ней обычно не приходил. Мы с Лулу договорились встретиться в городе в пять, но что-то произошло, и я не смог прийти. У меня были дела как раз у ее дома, и я поднялся наверх, чтобы предупредить ее. Мы сидели в гостиной и разговаривали, когда послышался скрежет ключа в замке. Он вошел. Я не хотел спрятаться. Но он даже не посмотрел на меня. Просто вошел в комнату, не снимая шляпы и не произнося ни слова, ждал. Словно меня совсем не было.
 - Так вы, значит, так и не знаете, зачем Лулу просила вас прийти в понедельник вечером?
 - Думаю, что ей хотелось с кем-нибудь об этом поговорить.
 - Как закончился ваш разговор?
 - Она сказала: "Хочу, чтобы ты все знал. Я сама еще не представляю, что сделаю. Мне и самой пока не все ясно. Но ты тоже подумай".
 - Лулу никогда не говорила вам о браке с профессором? Пьеро явно старался сосредоточиться.
 - Как-то раз, когда мы были в ресторанчике на бульваре Рошфор и говорили об одной нашей знакомой, которая как раз вышла замуж, Лулу сказала: "Только от меня зависит, чтобы он развелся с женой и женился на мне".
 - Вы поверили ей?
 - Может быть, он и на самом деле так поступил. Мужчины в этом возрасте способны на все. Мегрэ не смог удержаться от улыбки.
 - Я не спрашиваю вас, где вы спрятались со вчерашнего дня.
 - Этого я вам не сказку. Я свободен?
 - Совершенно.
 - А на выходе ваши люди меня не задержат?
 - В самом деле, лучше будет, если вы часок проведете в этом квартале, пока не отменят приказ о вашем розыске. На площади Дофин есть маленькая пивная, где вы будете в полной безопасности. А еще лучше, если вы снимите комнату в ближайшем отеле и завалитесь спать.
 - Я не засну.
- На пороге он обернулся:
- А что вы с этим сделаете? Мегрэ понял:

- Если никто из родственников не потребует выдачи тела...
- А я могу потребовать?
- При отсутствии родственников...
- Вы только скажите мне, как это сделать?

Он хотел устроить Лулу пышные похороны, и чтобы за гробом шли их общие друзья из кафе и все, кто знал Лулу в квартале Барбе.

Мегрэ задумчивым взглядом проводил удалявшийся по коридору силуэт музыканта, медленно закрыл дверь и минуту неподвижно стоял посередине кабинета.

ГЛАВА VII

Было около шести часов, когда автомобиль уголовной полиции остановился на авеню Карно, напротив дома, в котором жили супруги Гуэн.

Рано стемнело, и в этот день, впрочем, как и в три предыдущих, солнце совершенно не могло пробиться сквозь тучи.

В комнате консьержки горел свет. Светились окна и на пятом этаже, у профессора, в левой части его квартиры. Окна некоторых квартир тоже сияли огнями.

Сидя на заднем сиденье автомобиля, в пальто, которое сковывало движение, с торчащей изо рта трубкой, Мегрэ казался таким мрачным, что водитель, вынув из кармана газету, спросил шепотом:

- Вы позволите?

Странно, что он мог читать при свете уличного фонаря.

Дурное настроение не покидало Мегрэ всю вторую половину дня. Хотя это и не было полностью дурным настроением, но коллеги знали об этом, и на набережной Орфевр пошли слухи, что комиссара сейчас лучше не трогать.

Он не покидал своего кабинета, лишь два-три раза заглядывал в комнату инспекторов, окидывая их таким взглядом, словно забывал, зачем он пришел.

Комиссар быстро закончил несколько дел, ожидавших своего завершения уже с неделю, примерно в половине пятого позвонил в больницу в Нейли.

- Профессор Гуэн сейчас на операции?
- Да. И кончит не раньше, чем через час. Кто его спрашивает?

Мегрэ положил трубку и еще раз перечитал рапорт Жанвье, касавшийся опроса жильцов дома на авеню Карно. Выстрела не слышал никто. На том же этаже, что и Луиза, жила мадам Меттефель, еще довольно молодая вдова, которая в понедельник вечером была в театре. Этажом ниже семья Кремье устраивала в это время ужин на двенадцать персон, закончившийся очень шумно. Они, естественно, ничего не слышали.

В половине шестого, когда Мегрэ снова позвонил в больницу, ему ответили, что операция закончилась и профессор передевается. Именно тогда комиссар вызвал машину.

Авеню Карно была улицей довольно пустынной - ни прохожих, ни машин.

Через плечо водителя Мегрэ прочитал заголовок на первой странице газеты:

"Пьеро-музыкант на свободе".

Как он и обещал, комиссар передал эту информацию репортерам. Часы на приборной доске слабо светились, стрелки показывали двадцать минут седьмого. Если бы поблизости было быстро, комиссар с удовольствием пропустил бы стаканчик. Он даже пожалел, что с этой целью не остановился по пути.

Только без десяти семь перед домом остановилось такси.

Этьен Гуэн вышел первым и с минуту стоял неподвижно, ожидая, пока его ассистентка покинет машину.

Профессор стоял около фонаря, и его силуэт отчетливо вырисовывался на фоне улицы. Он был примерно на полголовы выше Мегрэ и так же широк в плечах. Судить же о фигуре профессора было трудно, поскольку развевающиеся по-, лы пальто, слишком широкого и длинного, явно не по моде, скрывали ее очертания. Шляпа была надета набекрень, видимо, профессор не очень заботился о своем внешнем виде. Он производил впечатление когда-то сильного, но затем похудевшего мужчины.

Когда машина отъехала, Гуэн с минуту слушал, что ему говорила ассистентка. Скорее всего, она напоминала ему о завтрашних визитах.

Женщина прошла с профессором до подъезда, протянула ему темный кожаный портфель, который до этого она держала в руках, проводила его долгим взглядом, когда он шел к лифту, и, наконец, повернула в сторону площади Терн.

- Поезжай за ней.

- Хорошо, патрон.

Машина медленно катила по улице. Люси Деко шла быстро, не оглядываясь по сторонам. Это была невысокая брюнетка, довольно пухленькая. Она повернула за угол, на улицу Акаций, вошла в колбасный магазин, затем в булочную и лишь потом, метров через сто, скрылась в подъезде довольно старого дома.

Мегрэ еще минут десять просидел в машине, а затем направился в комнату консьержки, чье жилище разительно отличалось от помещения привратницы дома на авеню Карно. В маленькой комнатке теснились широкая тахта и детская кровать.

- Мадам Деко?

- Пятый этаж, направо. Она только что пришла. Лифта в доме не было.

Комиссар нажал кнопку звонка и услышал приближающиеся шаги.

- Кто там?

- Комиссар Мегрэ.

- Минутку.

В ее голосе не было ни удивления, ни испуга. Шаги отдалились, и мадам Деко открыла дверь лишь через несколько минут. Мегрэ понял почему, когда увидел ее в пеньюаре и домашних тапочках.

- Входите, - сказала она, с явным интересом глядя на комиссара.

Квартира, состоявшая из трех комнат и кухни, содержалась в необычайной чистоте, пол был натерт до той степени, что можно было поскользнуться. Мегрэ вошел в гостиную, в которой находились обитый полосатой материей диван, полки с книгами и проигрыватель со стопкой пластинок. Над камином, в котором только что был разожжен огонь, висела фотография Этьена Гуэна в рамке.

- Я могу снять пальто?

- Пожалуйста.

Красивой она не была. Черты лица не правильные, слишком толстые губы, но вся ее фигура излучала обаяние.

Указав комиссару рукой на кресло, она устроилась на краешке дивана, прикрыв полами халата голые колени.

Она ни о чем не спрашивала, а просто смотрела на комиссара так, как некоторые люди смотрят на какую-то знаменитость, о которой много слышали, но увидели впервые.

- Я не хотел беспокоить вас в больнице.
- Это было бы довольно трудно сделать, я все время находилась в операционной.
- Обычно вы ассистируете профессору при операциях?
- Всегда я.
- Давно?
- Десять лет. До этого я была его студенткой.
- Вы врач?
- Да.
- Сколько вам лет, простите?
- Тридцать шесть.

Она отвечала на вопросы комиссара без колебаний, довольно равнодушным голосом, но тем не менее Мегрэ уловил недоверие, а возможно, и некоторую враждебность.

- Я пришел, чтобы прояснить кое-какие детали в проводимом мною следствии. Вам, вероятно, известно, что у нас все должно проверяться.

Она спокойно ожидала вопроса комиссара.

- Если не ошибаюсь, в понедельник вечером вы приехали за шефом на авеню Карно около восьми?

- Верно. Я остановила такси и позвонила профессору из комнаты консьержки, сказав, что жду внизу.

- Вы всегда так поступаете?

- Да. Я поднимаюсь наверх только в том случае, когда надо что-то сделать в кабинете профессора или взять какие-нибудь документы.

- Где вы его ждете?

- У лифта.

- Значит, вы знаете, что он задержался по пути?

- Он на несколько минут задержался на четвертом этаже. Думаю, что вы в курсе событий...

- Да.

- Почему все вы не спросили самого профессора? Мегрэ предпочел промолчать.

- Ваш шеф вел себя как обычно? Вам не казалось, что он чем-то озабочен?

- Он был озабочен только состоянием здоровья больного.

- В такси он вам ничего не говорил?

- Он вообще неразговорчив.

- Вы приехали в больницу Кашен сразу после восьми. Что было потом?

- Сразу же направились в палату больного в сопровождении дежурного врача.

- И целый вечер провели в палате?

- Нет. Профессор провел там примерно полчаса, он опасался послеоперационных осложнений. Я предложила ему пойти отдохнуть.

- В какое время это было?

- Я знаю, что вы уже спрашивали об этом в больнице.

- Вам сказала об этом дежурная медсестра?

- Это не имеет значения.
- Так во сколько же профессор пошел наверх?
- Около девяти.
- Вы поднялись с ним?
- Я осталась с больным ребенком.
- Знаю. В котором часу профессор спустился вниз?
- Около одиннадцати я поднялась наверх предупредить его о том, что началось то, чего он ждал.

- Вы вошли в комнату, где он отдыхал?
- Да.
- Он был одет?
- В больнице профессор отдыхает, не раздеваясь. Он только снял пиджак и распустил узел галстука.

- Значит, с половины девятого до одиннадцати вы находились у постели больного ребенка. Мог профессор в это время уйти из больницы так, чтобы вы этого не заметили?

Она, по-видимому, ожидала этого вопроса, поскольку Мегрэ уже задавал его в больнице, ей наверняка об этом сообщили. Несмотря на это, комиссар почувствовал, что ее дыхание участилось. Приготовила ли она ответ заранее?

- Нет, этого не могло быть, поскольку в четверть одиннадцатого я зашла к нему спросить, не нужно ли ему чего.

На повышая голоса и глядя прямо в глаза мадам Деко, Мегрэ произнес:

- Вы лжете, да?
- Почему вы так решили?
- Потому, что вы лжете. Послушайте, мне не составляет особого труда установить, что вы делали в больнице в тот вечер. Даже если вы и подготовили весь персонал, всегда найдется кто-то, кто расскажет всю правду. Вы не поднимались наверх до одиннадцати часов.

- Профессор не покидал больницы.
- Откуда вам это известно?
- Я знаю его лучше, чем кто бы то ни был.

Она указала на лежавшую рядом вечернюю газету.

- Я прочитала заметку. Почему вы отпустили этого пар Она говорила о Пьеро.
- Вы уверены, что это не он?
- Я ни в чем не уверен.
- Но вы подозреваете профессора в убийстве этой девчонки?

Вместо ответа комиссар спросил:

- Вы ее знали?
- Вы забываете, что я ассистентка профессора Гуэна и присутствовала при операции этой девицы.

- Вы не любили ее?
- Отчего я должна не любить ее?

Она заметила, что Мегрэ держит в руках трубку, и сказала.

- Можете курить. Мне это не мешает.

- Правда ли, что между профессором и вами существуют более близкие, чем профессиональные, отношения?

- Вам об этом тоже сказали? - снисходительно произнесла она. - У вас такие же мещанские взгляды, комиссар?

- Все зависит от того, что вы под этим понимаете.

- Я пытаюсь понять, как вы относитесь к традиционной морали.

- Милая девочка, скоро исполнится тридцать пять лет как я работаю в полиции.

- Тогда ничего и не говорите об интимных отношениях. Да, нас связывали личные отношения, вытекающие из совместной работы. Остальное не имеет значения.

- Означает ли это, что ваша связь не имела ничего общего с любовью?

- В том смысле, как вы это понимаете, наверняка нет. Но я обожаю профессора Гуэна. И по мере своих сил стараюсь быть ему полезной.

Ежедневно по десять-двенадцать часов, а иногда и дольше, я нахожусь рядом с ним, а он даже не замечает меня, настолько мы привыкли друг к другу. Нам часто приходится проводить вместе ночи у постели больного.

Когда он оперирует в провинции или за границей, я всегда сопровождаю его в поездках. Я плачу за такси, напоминаю о предстоящих встречах, я же звоню жене профессора, если он задерживается в больнице и не вернется на ночь домой. Ну и когда-то, в самом начале, произошло то, что происходит с мужчиной и женщиной, когда они находятся вместе. Профессор не придавал этому большого значения. Точно так же он поступал с медсестрами, да и с другими женщинами из своего окружения.

- Вы тоже не придавали этому значения?

- Ни в малейшей степени.

Она смотрела ему прямо в глаза, словно бросая вызов.

- Вы когда-нибудь влюблялись?

- В кого?

- В какого-нибудь мужчину. В профессора, например.

- Не в том смысле, как вы это понимаете.

- Но вы ведь посвятили профессору всю жизнь?

- Да.

- Это он предложил вам стать его ассистенткой?

- Я сама попросилась. Эта мысль засела у меня в голове после первой же лекции профессора.

- И все же между вами есть физическая близость?

- Вы превосходный исповедник, комиссар. Это и сейчас происходит от случая к случаю.

- В вашей квартире?

- Его ноги даже здесь не было. Да я и представить себе не могу профессора, поднимающегося пешком на пятый этаж и входящего в мою квартиру.

- В больнице?

- Иногда. А порой у него дома. Не забывайте, что я его секретарь, и мы порой проводим полдня в его квартире на авеню Карно.

- Вы хорошо знаете его жену?

- Мы встречаемся почти ежедневно.

- Какие у вас с ней отношения?

Комиссару показалось, что при этих словах в глазах мадам Деко промелькнул гнев.

- Безразличные, - бросила она.

- Она также относится к вам равнодушно?

- К чему вы клоните?

- Хочу узнать правду.

- Ну, скажем, мадам Гуэн относится ко мне так же, как и к прислуге.

Она словно старается каждый раз доказать, что именно она жена профессора. Вы ее видели?

Еще раз Мегрэ предпочел промолчать.

- Почему же тогда профессор женился на ней?

- Полагаю, чтобы не быть одному.

- Вы уже были тогда его ассистенткой?

- Да, уже несколько лет.

- У них в семье все в порядке?

- Профессор не тот человек, чтобы ссориться с кем-либо. Кроме того, у него необыкновенная способность игнорировать людей.

- Он и жену игнорирует?

- Иногда он с ней обедает.

- И это все?

- Насколько мне известно, все.

- Как вы думаете, почему она вышла за него замуж?

- Не забывайте, что она была тогда обычной медсестрой. Он же - человек богатый...

- Он действительно богат?

- Зарабатывает он много, но особо деньгами не интересуется.

- У него большое состояние?

Она кивнула головой и распрямила ноги, не забыв прикрыть их полами пеньюара.

- Выходит, по-вашему, он не особенно счастлив в семейной жизни?

- Это не совсем так. Его жена просто не способна сделать профессора счастливым.

- А Лулу?

- Лулу тоже, во всяком случае, я так думаю.

- Но если бы он не был в нее влюблен, то как объяснить, что свыше двух лет...

- Этого я не смогу вам объяснить. Подумайте сами и постарайтесь понять. Она стала чем-то вроде принадлежащей ему вещи.

- Но он бы не стал разводиться, чтобы жениться на ней?

Она с изумлением посмотрела на комиссара.

- Да никогда в жизни! Он никогда не станет усложнять себе жизнь разводом.

- Даже для того, чтобы жениться на вас?

- Такое ему и в голову не придет.

- А вам?

Она покраснела.

- А что бы мне это дало? Напротив, я бы многое потеряла. Без меня профессор почти ничего не делает. Я узнаю об его открытиях по мере того, как они зарождаются в его голове, и часто именно я провожу необходимые исследования. Если меня нет рядом, то он даже на такси никуда не поедет.

- Он боится внезапной смерти?

Казалось, ее поразила пронизательность комиссара.

- Вот уже несколько лет как он узнал, что у него больное сердце. Он несколько раз консультировался со своими коллегами. Вы, по-видимому, не знаете, что большинство врачей больше боятся собственных болезней, чем их пациенты.

- Я знаю об этом.

- Естественно, он никогда не говорил со мной на эту тему, но постепенно взял за привычку никогда не быть одному.

- А если бы приступ случился, например, в такси, вы смогли бы что-нибудь сделать?

- Нет. Но я его понимаю.

- Значит, его пугает мысль об одинокой смерти?

- Господин комиссар, зачем вы ко мне пришли?

- Возможно, затем только, чтобы не морочить голову профессору. Его любовница была убита вечером в понедельник.

- Я не люблю этого слова. Оно не соответствует действительному состоянию вещей.

- Я употребил его только в том смысле, в котором оно обычно употребляется. У Гуэна была возможность совершить преступление. Как вы сами сказали минуту назад, он с без четверти девять и до одиннадцати находился на пятом этаже больницы один. Он с успехом мог выйти и поехать на авеню Карно.

- Если бы вы знали профессора, то вам никогда не пришла бы в голову мысль, что он способен кого-то убить.

- Естественно! - произнес Мегрэ.

Его голос звучал так категорично, что Люси Деко с удивлением взглянула на него, не осмеливаясь протестовать.

- Что вы хотите этим сказать?

- Вы согласны с тем, что его работа, карьера, его научные исследования, педагогическая и врачебная деятельность - назовите это как хотите, единственное, что для него имеет ценность?

- В определенном смысле - да.

- Не в каком-то, а в гораздо большем, чем для многих простых смертных. Кто-то употребил по отношению к нему выражение: "природная сила". Никто не думает о тех последствиях, которые может вызвать эта "сила". Если Лулу, по той или иной причине, стала угрозой его профессиональной деятельности...

- Чем она могла угрожать его профессиональной деятельности?

- Вам известно, что Лулу была беременна?

- А что это меняло?

Она не казалась удивленной.

- Вы знали об этом?

- Профессор мне сказал.

- Когда?

- В прошлую субботу.

- Вы уверены, что он говорил об этом именно в субботу?

- Абсолютно уверена. Мы ехали из больницы на такси. Он сказал об этом так, словно разговаривал сам с собой: "Мне кажется, что Лулу беременна".

- Каким тоном он это сказал?

- Нормальным. Скорее, ироническим, как он обычно говорит. Видите ли, многие вещи, которые другим людям кажутся очень важными, для него не имеют значения.

- Меня только удивляет, что профессор сказал вам об этом в субботу, а Лулу сама узнала только в понедельник, около шести часов вечера.

- Не забывайте, что он врач и жил с ней..

- Как вы считаете, он сообщил об этом и своей жене?

- Исключено.

- Предположим, что Луиза Филон вбила себе в голову, что выйдет за профессора замуж.

- Не думаю, чтобы такая мысль пришла ей в голову. А если даже и так, то он не стал бы ее убивать. Вы на ошибочном пути, комиссар. Возможно, человек, которого выпустили на свободу, тоже невиновен, я ведь не настаиваю. У него ведь тоже не было причин убивать эту девушку.

- Разве что из ревности, если она угрожала, что порвет с ним.

Она полсала плечами.

- Вы все фантазируете.

- А как вы думаете, кто преступник?

- Я не задумывалась над этим.

Мегрэ встал, чтобы выбить трубку, и машинально подбросил дров в камин, словно он был у себя дома.

- Вы подумали о его жене? - спросил комиссар равнодушно, стоя к ней спиной.

- Я ни о ком не думала.

- Вы ее не любите?

Как она могла ее любить? Жермена Гуэн, простая медсестра, дочь рыбака, которой повезло, и она стала женой профессора, в то время как она, Люси Деко, посвятившая ему всю жизнь и способная оказать помощь в работе, только его ассистентка.

Каждый вечер, когда они возвращались из больницы, она выходила с ним из такси, но лишь затем, чтобы попрощаться на пороге дома и в одиночестве вернуться в свою квартиру на улице Акаций.

- Вы ее подозреваете?

- Я никогда не говорила вам этого.

- Но вы подумали об этом?

- Я думаю о том, что вы любой ценой стараетесь восстановить каждый шаг профессора в тот вечер, и вас совершенно не интересует, что в то время делала она.

- Откуда вы это знаете?

- Вы с ней беседовали?

- Во всяком случае, я знаю, что тот вечер она провела со своей сестрой. Вы знакомы с Антуанеттой?

- Лично нет, но профессор мне рассказывал о ней.

- Он ее не любит?

- Это она его ненавидит. Профессор сказал как-то, что всякий раз, когда они случайно встречаются, у него такое впечатление, что она готова плюнуть ему в лицо.

- Вы знаете еще что-нибудь о мадам Гуэн?

- Ничего, - сухо ответила она.

- У нее есть любовник?

- Насколько я знаю, нет. Да меня это и совершенно не интересует.

- Если это она убила, допустила бы она осуждение мужа? Люси Деко молчала, и Мегрэ не мог сдерживать улыбки.

- Признайтесь, вы не особенно бы огорчились, если бы оказалось, что она убила Лулу и полиция это обнаружила.

- Я уверена в одном: профессор ее не убивал.

- Он говорил с вами об этой трагедии?

- Утром во вторник еще нет, он ведь еще ничего не знал. А после обеда бросил мимоходом, что полиция будет звонить ему и попросит о встрече.

- А потом?

- Больше к этой теме он не возвращался.

- Разве смерть Лулу не взволновала его?

- Если даже и взволновала, то он не подал вида.

- Полагаю, вам больше нечего сказать? Вы когда-нибудь говорили с профессором о Пьеро-музыканте?

- Никогда.

- Вам не приходило в голову, что профессор мог ревновать ее к нему?

- Это не такой человек, чтобы ревновать.

- Большое спасибо и извините, что задержал ваш ужин. Если вдруг что-либо вспомните, позвоните мне.

- Вы будете беседовать с профессором?

- Еще не знаю. А он будет сегодня вечером дома?

- Сегодня у него единственный свободный вечер в неделю.

- Чем он обычно занимается?

- Работает, как обычно. Ему надо выправить гранки новой книги.

Она проводила Мегрэ до лестницы и долго смотрела, как он спускался.

Перед домом комиссара ждал черный автомобиль. Шофер, увидев Мегрэ, открыл дверцу.

Мегрэ чуть не произнес адрес квартиры на авеню Карно. Рано или поздно, но ему придется решиться на эту беседу с профессором Гуэном.

Почему он постоянно откладывает эту встречу? Он словно кружит вокруг профессора, не отваживаясь к нему приблизиться, словно тот парализует его.

- На набережную Орфевр!

В это время Этьен Гуэн наверняка ужинает с женой. Проезжая мимо его дома, Мегрэ не увидел света в правой части квартиры.

Ассистентка профессора ошибалась в одном. Контакты Гуэна с супругой были менее нейтральны, чем ей казалось. Люси Деко считала, что профессор не говорит с женой о своей работе. Однако мадам Гуэн рассказала комиссару о деталях, которые могла узнать только от мужа.

Рассказал ли он и ей о своих подозрениях о беременности Лулу?

Комиссар попросил водителя остановиться у бара. Теперь потеплело, и Мегрэ заказал рюмку водки, хотя в эту пору обычно не пил крепких напитков.

Сотрудники комиссара на набережной Орфевр считали это чудачеством.

Если их шеф, к примеру, начинал следствие с кальвадоса, то все расследование пил только кальвадос, были дела с пивом, с красным вином и далее с виски.

Выйдя из бара, комиссар решил позвонить в бюро и узнать, нет ли чего нового, а потом поехать прямо домой. Он передумал только потому, что телефон-автомат был занят.

По дороге на набережную Орфевр комиссар молчал.

- Я вам еще нужен сегодня? - спросил водитель, когда они въехали во двор.

- Через несколько минут поедем на бульвар Ришар-Ленуар.

Мегрэ поднялся наверх и зажег в кабинете свет. Тотчас же раскрылась дверь, и показался Люка.

- Звонил Жанин. Он обиделся, что его не предупредили о том, что нашелся Пьеро.

Все забыли про инспектора Жанина, который продолжал рыскать в квартале Шапель, пока не узнал из газет, что комиссар Мегрэ допросил музыканта и его выпустили.

- Он спрашивает: надо ли за ним следить?

- Не стоит. Больше ничего нет?

Люка уже открыл рот, чтобы ответить, но зазвонил телефон, и Мегрэ снял трубку.

- Комиссар Мегрэ слушает, - произнес он, наморщив брови.

Люка сразу понял, что разговор важный.

- Говорит Этьен Гуэн, - раздался голос в трубке.

- Слушаю.

- Как мне стало известно, вы только что допрашивали мою ассистентку.

Люси Деко не удержалась, позвонила профессору и рассказала ему обо всем.

- Верно, - ответил Мегрэ.

- Если вы хотите получить какую-то информацию обо мне, лучше будет получить ее от меня самого.

У Люка создалось впечатление, что комиссар несколько растерялся и с трудом сохраняет хладнокровие.

- Предоставьте решать это мне, - ответил он сухо.

- Вы знаете, где я живу?

- Знаю очень хорошо. И приду встретиться с вами.

- Когда?

- Через час-полтора. Я еще не ужинал.

- Буду ждать. - И профессор повесил трубку.

- Профессор? - спросил Люка. Мегрэ молча кивнул головой.

- Чего он хочет? - спросил Люка.

- Чтобы я его допросил. Ты свободен?

- Мне идти с вами?

- Да. Но сначала пойдем перекусить. Они поели в ресторанчике на площади Дофина. За все время, пока они ели, Мегрэ не проронил ни слова.

ГЛАВА VIII

За время работы в полиции Мегрэ допросил тысячи, десятки тысяч людей.

Одни из них занимали влиятельное положение в обществе, другие прославились своим богатством, третьи, принадлежавшие к международному преступному миру, считались своего рода гениями.

Однако предстоящему допросу профессора Гуэна Мегрэ придавал гораздо большее значение, чем всем предыдущим. И его смущало не то, что профессор занимал особое социальное положение и далее не его всемирная известность.

Как и Гуэн, Мегрэ родился в маленькой деревеньке в центре Франции, и ему, будущему комиссару, также приходилось зарабатывать себе на жизнь.

Ведь и комиссар когда-то начинал изучать медицину. Если бы у него была возможность окончить учебу... хирургом он бы, пожалуй, не стал - его пальцы никогда не отличались особой ловкостью, но у комиссара возникло чувство, что между ним и любовником Лулу существует что-то общее.

Но он тут же устыдился своих мыслей. Вряд ли ему стоило сравнивать себя с профессором. У них обоих, так ему казалось, было знание жизни и людей.

О жизни профессора комиссар узнал, сопоставляя слова и отношение к нему пяти различных женщин. Кроме этого, он видел силуэт профессора на авеню Карно, его фото над камином Люси, но, несомненно, больше всего ему дало короткое сообщение Жанвье о появлении профессора в квартире Луизы Филон.

Вскоре он убедится, правильны ли были его догадки. Комиссар тщательно подготовился к беседе. Люка он взял с собой, скорее, для того, чтобы придать встрече как можно более официальный характер, а вовсе не потому, что требовалась его помощь. А может быть, он хотел этим доказать самому себе, что идет на авеню Карно как комиссар полиции по официальному делу, а не просто как любопытный, заинтересованный личностью знаменитого хирурга.

За ужином он выпил вина. Когда официант, подойдя к их столику, спросил комиссара, будет ли он что-нибудь пить, Мегрэ заказал старое бургундское и сейчас, садясь в машину, почувствовал, как по всему телу разливается приятное тепло.

Авеню Карно было пустынным, тихим, из-за занавесок струился мягкий свет. Проходя мимо комнаты консьержки, Мегрэ почти физически почувствовал ее полный укора взгляд.

Они вызвали лифт. Дом жил в своем спокойном ритме, словно хранил секреты живущих в нем людей.

Было без двадцати девять, когда Мегрэ потянул за гладкую медную ручку электрического звонка. Довольно молодая и даже красивая горничная в кокетливом кружевном фартучке на черном платье открыла дверь и сказала:

- Если господа желают раздеться...

Мегрэ интересовало, где их примет профессор Гуэн. Если в салоне, то, значит, в несколько "домашней" обстановке. Пока это оставалось неясным.

Горничная повесила одежду в шкаф и, оставив их в прихожей, исчезла.

Больше она не появлялась, но Гуэн не заставил себя ждать. Он показался комиссару еще более высоким и тощим. Профессор едва удостоил их взглядом, и сухим тоном произнес:

- Прошу сюда.

По коридору они прошли в библиотеку. Ее стены почти полностью были закрыты книжными полками, лампы струили мягкий свет, а в камине весело горели крупные поленья.

- Прошу садиться.

Профессор указал им на кресла, и сам устроился в одном из них. До сих пор ни профессор, ни комиссар не взглянули друг на друга. Люка явно чувствовал себя лишним, к тому же кресло, стоявшее ближе всего к камину, было для него слишком глубоко, и он сидел в очень неудобной позе.

- Я полагал, что вы придете один. Мегрэ представил своего сотрудника.

- Инспектор Люка будет вести протокол.

В этот момент их взгляды впервые встретились, и Мегрэ прочитал в глазах профессора упрек. А может быть, даже и разочарование, он не был в этом уверен. Внешне, на первый взгляд, профессор Гуэн производил обыкновенное впечатление. Подобные лица довольно часто встречаются у оперных певцов: большое, костистое тело, выразительные черты лица, мешки под глазами. Зрачки глаз профессора были маленькими, светлыми, без особого блеска, но во взгляде его крылась необычайная сила. Мегрэ мог поклясться, что, пока он рассматривал профессора, тот с таким же интересом изучал его.

Люка вытащил из кармана блокнот и карандаш, и это придало ему некоторую уверенность.

Еще не было ясно, какой оборот примет беседа, и Мегрэ занял выжидательную позицию, предоставляя профессору начать беседу.

Наконец профессор заговорил:

- Не кажется ли вам, что было бы целесообразнее обратиться сразу ко мне, а не морочить голову бедной девочке?

Говорил профессор несколько монотонным голосом, как если бы речь шла о самых обыденных вещах.

- Вы имеете в виду мадам Деко? Она не показалась мне слишком смущенной или растерянной. Скорее всего, она позвонила вам, как только я вышел.

- Она дословно повторила мне ваши вопросы и свои ответы. Вбила себе в голову, что это чрезвычайно важно. Женщины постоянно испытывают нужду убеждать себя в важности того или иного события.

- Люси Деко ваша ближайшая сотрудница, правда?

- Она моя ассистентка.

- А кроме того, и секретарь?

- Точно. И даже сопровождает меня повсюду - она должна была вам об этом сказать. В связи с этим ей кажется, будто она играет важную роль в моей жизни.

- Она влюблена в вас?

- Точно так же она влюбилась бы в любого другого шефа, лишь бы он был знаменитым.

- Мне показалось, что она необычайно вам предана, до той степени, что способна даже лжесвидетельствовать, лишь бы избавить вас от хлопот.

- Она бы без колебаний пошла на это. Моя жена, с которой вы уже разговаривали, также способна на самопожертвование.

- Она вам рассказала о нашей беседе?

- Как и Люси, во всех подробностях.

Профессор говорил о жене таким же равнодушным тоном, как и о своей ассистентке. В его голосе совершенно не чувствовалось тепла. Он просто констатировал факты, не придавая им никакой эмоциональной окраски. Люди, окружавшие его в повседневной жизни, наверняка восхищались его простотой, и, действительно, в его поведении не было никакой позы, и его совершенно не интересовало впечатление, которое он производил на других.

В жизни редко встречаются люди, которые бы не играли той или иной роли, даже оставаясь наедине с самими собой. Большинство испытывает потребность видеть в глазах окружающих то впечатление, которое они на них производят, и упиваться собственными речами.

Профессор Гуэн всегда был самим собой, никогда не утруждал себя, скрывая свои чувства. И когда он говорил о Люси Деко, его слова, его поза выражали именно то, что он думал о ней и хотел сказать: "То, что она считает преданностью, есть лишь разновидность тщеславия, способ убедить себя в собственной исключительности. Любая из моих студенток поступила бы точно так

же. Это разнообразит жизнь, и наверняка она воображает, что я должен быть ей за это признателен".

Если профессор не уточнял своих мыслей, то лишь потому, что считал Мегрэ способным понять его, и говорил с комиссаром, как равный с равным.

- Я еще не сказал вам, почему позвонил сегодня вечером и попросил прийти ко мне домой. Знаете, у меня возникло безотчетное желание познакомиться с вами.

Он вел себя как истый джентльмен. И все время, пока они сидели друг против друга, Гуэн не переставал рассматривать и изучать комиссара, причем совершенно не скрывал этого.

- Сегодня, за ужином, мне позвонила особа, которую вы уже знаете. Я говорю о мадам Броль, домработнице Луизы.

Он назвал ее Луиза, а не Лулу, говорил о ней так же просто, как и о других, прекрасно понимая, что дополнительная информация просто излишня.

- Мадам Броль вбила себе в голову, что может меня шантажировать. Она довольно бесцеремонно заявила мне сразу: "Револьвер у меня" Сначала я подумал, о каком, собственно, револьвере идет речь?

- Один вопрос, позвольте?

- Пожалуйста.

- Вы раньше встречались с мадам Броль?

- Не думаю. Луиза говорила мне о ней. Они были знакомы еще до того, как Луиза поселилась в этом доме. Кажется, это довольно странное создание, много раз сидела в тюрьме. Убирала она у Луизы только утром, а я в это время не заходил в квартиру, так что не припоминаю, чтобы я ее когда-либо видел. Разве что сталкивались на лестнице?

- Продолжайте, пожалуйста...

- Она сказала, что, войдя в понедельник утром в квартиру, обнаружила револьвер на столе и...

- Она именно так и сказала: на столе?

- Да. И добавила, что спрятала его на лестничной клетке в фаянсовом цветочном горшке. Ваши люди не догадались поискать его там.

- Ловко она нас провела!

- Короче говоря, у нее в руках револьвер, из которого была убита Луиза, и она расстанется с ним только за круглую сумму.

- Вам вернуть его?

- Он принадлежит мне.

- Откуда вы это знаете?

- Она описала мне его и сообщила номер.

- Давно он у вас?

- Лет восемь-девять. Я ездил оперировать в Бельгию. Тогда я путешествовал чаще, чем теперь. Случалось, меня вызывали в США или в Индию. Жена часто жаловалась, что боится оставаться дома одна. Как-то в Льеже, в гостиничном киоске, была устроена выставка-продажа изделий местных оружейников. Мне пришла в голову мысль купить маленький автоматический револьвер. Хочу добавить, что в таможне я его не регистрировал. Мегрэ улыбнулся.

- В какой комнате хранился револьвер?

- В ящике моего стола. Именно там я видел его несколько месяцев назад. Я никогда им не пользовался и совершенно забыл о револьвере, когда говорил с ней по телефону.

- Что вы ответили мадам Броль?

- Я сказал, что дам ей ответ позже.
- Когда?
- Скорее всего, сегодня вечером. Я сразу же позвонил вам.
- Съездишь к ней, Люка? Адрес знаешь?
- Да, патрон.

Люка был явно обрадован возможности покинуть тяжелую атмосферу этой комнаты, где двое мужчин вполголоса говорили о внешне обыденных вещах.

Когда за Люка закрылась дверь, какой-то момент в комнате царило молчание. Его прервал Мегрэ.

- Ваша жена знает об этом?
- О шантаже мадам Броль?
- Да.
- Она слышала наш разговор, ведь телефон находится в столовой.
- И как она отреагировала?
- Посоветовала мне уступить.
- Вы не задумались - почему?
- Видите ли, будь то моя жена, Люси Деко или какая-то иная женщина, все они испытывают невероятное удовольствие оттого, что внушают себе, насколько они мне преданны. Что-то вроде конкурса - кто из них мне больше поможет.

Он говорил без иронии и разбирал по косточкам поведение женщин с таким равнодушием, как если бы проводил вскрытие.

- Как вы считаете, почему моя жена испытала внезапную потребность поговорить с вами? Чтобы изобразить роль супруги, оберегающей покой и великий труд своего мужа?

- А это не так?

Профессор взглянул на Мегрэ, но ничего не ответил.

- Ваша жена, профессор, или, может быть, мне это показалось, проявила по отношению к вам удивительное понимание.

- Да, ее не считают ревнивой.
- Не считают или так есть на самом деле?
- Все зависит от того, что вы вкладываете в это понятие. Ей действительно безразлично, с кем я сплю.
- Далее если это Луиза Филон?
- Сначала да. Не забывайте, что Жермена была простой медсестрой, которая в один прекрасный день превратилась в мадам Гуэн.
- Вы ее любили, профессор?
- Нет.
- Почему же тогда женились на ней?
- Чтобы кто-то занимался домом. Пожилая женщина, обслуживавшая меня, долго бы не протянула. А я не люблю быть один, господин комиссар. Не знаю, знакомо ли вам это чувство.
- Вы, вероятно, считаете, что окружающие вас люди должны всем ради вас жертвовать?

Профессор не протестовал. Наоборот, Мегрэ показалось, что его замечание доставило Гуэну удовольствие.

- В определенном смысле, да.

- И именно поэтому вы взяли в жены девушку из бедной семьи?

- Другие меня просто раздражают.

- Выходя за вас замуж, она знала, что ее ждет?

- Очень хорошо знала.

- Когда же она начала проявлять недовольство?

- Она никогда не проявляла недовольства. Вы же видели ее. Она ведет себя безукоризненно, заботится о доме, никогда не настаивает, чтобы мы пошли куда-нибудь вечером или пригласили к себе друзей.

- Если я правильно вас понял, она целые дни проводит, ожидая вас?

- Именно так. Ей вполне достаточно того, что она мадам Гуэн и в один прекрасный день станет вдовой Этьена Гуэна.

- Полагаете, что ей это очень нужно?

- Полагаю, что она не очень огорчится, получив возможность распоряжаться состоянием, которое я ей оставляю. В данный же момент, держу пари, она подслушивает за дверью. Ее встревожил мой звонок к вам.

Она бы предпочла, чтобы мы разговаривали в салоне в ее присутствии.

Профессор не понизил голоса, говоря, что его жена подслушивает, и Мегрэ мог поклясться, что слышал в соседней комнате легкий шум.

- Ваша жена утверждает, что именно она посоветовала вам поселить Луизу Филон в этом доме.

- Это правда. Я как-то об этом, и не подумал. Я даже и не знал, что в нашем доме освободилась квартира.

- Предложение супруги не показалось вам странным?

- Почему?

Вопрос комиссара удивил профессора.

- Вы любили Луизу?

- Послушайте, комиссар, вы уже второй раз произносите это слово. В медицине оно неизвестно.

- Вам она была нужна?

- Физически, да. Должен ли я это пояснить? Мне шестьдесят два года.

- Знаю.

- Вот в этом все и дело.

- А вы не ревновали ее к Пьеро?

- Я предпочел бы, чтобы его не было.

Мегрэ встал и, как у Люси Деко, подбросил в камин поленьев. Внезапно он почувствовал, что его мучает жажда. Профессор и не подумал предложить что-нибудь выпить. Вино, выпитое за улейном, оставило у него во рту какой-то странный вкус, и он, не переставая, курил.

- Вы его когда-нибудь встречали?

- Кого?

- Пьеро.

- Один раз. Обычно они делали так, чтобы этого не происходило.

- А какие чувства питала к вам Лулу?

- А как вы думаете, какие у нее могли быть чувства? Думаю, вам известна ее история? Ясное дело, она говорила мне о признательности и далее о привязанности. Истина же гораздо проще. Она не хотела снова оказаться в нищете. Вы должны понять это. Люди, голодавшие всю леизнь и

испытывавшие нужду в самом прямом смысле этого слова, делают все возможное, только бы снова не опуститься на дно, если им повезло, и они пойдут на все, чтобы вторично не пережить подобного кошмара.

Это была чистая правда. Мегрэ хорошо об этом знал.

- Она любила Пьеро?

- Как же вам нравится это слово! - безропотно выдохнул профессор. - В ее леизни должна быть какая-то сентиментальная история. Нуждалась она и в том, чтобы время от времени создавать себе какие-то проблемы. Я уже говорил вам, что у женщин существует потребность чувствовать себя необходимыми. Наверняка, именно поэтому они и усложняют себе жизнь, непрерывно над чем-то размышляя и постоянно воображая, что они должны делать какой-то выбор.

- Между кем и кем? - спросил Мегрэ с тенью улыбки, чтобы вынудить собеседника уточнить высказанную мысль.

- Луиза вообразила, что она может выбирать между этим музыкантом и мною.

- А такого выбора не было?

- Нет. И я уже говорил вам почему.

- Она никогда не угрожала разрывом?

- Иногда ей казалось, что она колеблется.

- И вы не боялись, что в один прекрасный день это произойдет?

- Нет.

- Она не настаивала, чтобы вы на ней женились?

- Ее честолюбие не было столь велико. Я убежден, что подобная перспектива даже бы испугала ее. Ей вовсе не надо было становиться мадам Гуэн, единственное, в чем она нуждалась, так это в теплой квартирке, еде три раза в день и чувстве безопасности, которое дает все это. И еще ей хотелось бы прилично одеваться.

- А что бы с ней случилось, если вы, ну, скажем, вдруг исчезните?

- Я застраховал свою жизнь в ее пользу.

- Вы так же поступили и по отношению к Люси Деко?

- Нет.

Телефонный звонок прервал их беседу. Гуэн хотел уже подняться, но остановился.

- Вероятно, это ваш инспектор.

Действительно, это звонил Люка из полицейского комиссариата Батиньоль, находящегося недалеко от дома Дезире Броль.

- Револьвер у меня, патрон. Она сначала прикинулась дурочкой, словно не понимая, о чем я говорю.

- И что ты с ней сделал?

- Отвел в комиссариат.

- Проводи ее на набережную... Кстати, где она нашла револьвер?

- Утверждает, что на столе.

- А откуда она взяла, что оружие принадлежит профессору?

- Для нее это совершенно очевидно. Деталей она не объясняла. Кроме того, она взбешена и даже пыталась меня оцарапать. А что сказал профессор?

- Пока ничего особенного. Мы еще беседуем.

- Мне приехать к вам?

- Сначала загляни в лабораторию и проверь, есть ли на оружии отпечатки пальцев. И заодно доставишь свою подопечную на набережную.

- Хорошо, патрон, - без явного энтузиазма ответил Люка.

И лишь только теперь профессор Гуэн догадался предложить комиссару выпить:

- Коньяку?!

- Охотно.

Профессор нажал кнопку звонка, и та же служанка, что открывала дверь квартиры, появилась на пороге.

- Коньяку!

Они молча сидели до тех пор, пока служанка не появилась с подносом, на котором стояла одна рюмка коньяку.

- Извините, комиссар, но я совсем не пью, - произнес профессор.

ГЛАВА IX

Мегрэ, медленно потягивая коньяк и глядя прямо в лицо профессору, который, в свою очередь, так же внимательно рассматривал его, произнес:

- Консьержка, если не ошибаюсь, тоже вам обязана? Не так ли? Кажется, вы спасли жизнь ее сына?

- Я не нуждаюсь в их признательности.

- И тем не менее она предана вам и, как и Люси Деко, готова даже на ложь, только бы у вас не было неприятностей.

- Вполне возможно. Приятно считать себя героем.

- Вы, профессор, не ощущаете ли себя одноким в том мире, в котором вы живете?

- Человеческое существо по своей природе вообще одиноко, чтобы об этом ни говорили. В этом я глубоко убежден. Достаточно один раз принять это - и примиришься с этим навсегда.

- Вы боитесь одиночества?

- Это не то одиночество, которое я имел в виду. Тут, скорее, подходит определение "тоска". Да, я не люблю оставаться один в квартире или в машине. Речь идет об одиночестве физическом, а не моральном. Умный и интересный человек никогда не чувствует себя одноким наедине с самим собою.

- А как вы относитесь к смерти?

- Мне безразлично, мертв я или нет. Я равнодушен к смерти как к таковой. Но я ненавижу смерть за то, что она позволяет себе делать с человеком. В вашей профессии, комиссар, вы с ней встречаетесь так же часто, как и я.

Профессор прекрасно понимал, что это было его уязвимое место. И этот страх умереть в одиночестве был его маленькой человеческой слабостью, делавшей Гуэна, несмотря на все его величие, обыкновенным человеком, простым смертным, как и все. Но он не стыдился этого.

- После последнего сердечного приступа я почти никогда и нигде не бываю один. С медицинской точки зрения, это совершенно не нужно. И пусть это покажется странным, но простое присутствие человека рядом меня успокаивает. Однажды, когда я был в городе один и почувствовал недомогание, то я сразу вошел в первый же попавшийся бар.

Именно в этот момент, когда профессор наиболее открылся комиссару, Мегрэ задал вопрос, который он уже давно держал наготове:

- Как вы повели себя, когда заметили, что Луиза беременна?

Профессора удивил не сам вопрос и даже не то, что его об этом спросили. Его удивило, что сам этот факт может иметь для кого-то значение.

- Никак, - просто ответил он.

- Она вам говорила об этом?

- Нет. Думаю, что она и сама еще не знала.

- Она узнала об этом в понедельник около шести. Вы ее видели позднее, она вам ничего не сказала?

- Только то, что неважно себя чувствует и хочет прилечь.

- Думали ли вы, что ребенок от вас?

- Ничего такого я не думал.

- У вас никогда не было детей?

- Насколько я знаю, нет.

- А желания иметь ребенка никогда у вас не возникало? Ответ профессора Гуэна шокировал комиссара, который вот уже тридцать лет очень хотел стать отцом.

- А зачем? - вопросом на вопрос ответил профессор.

- Да, действительно!

- Что вы хотите этим сказать?

- Ничего.

- Люди, не имеющие никаких серьезных интересов в жизни, воображают, что ребенок придаст их существованию какое-то значение, что они станут полезными и что после них что-то останется. Ко мне это не относится.

- Не думаете ли вы, принимая во внимание ваш возраст и возраст вашего молодого соперника, что Лулу могла серьезно считать, будто бы ребенок от Пьеро?

- С точки зрения медицины, это несерьезно.

- Я говорю лишь о том, что могла подумать она.

- Возможно.

- Не было бы это достаточным поводом, чтобы покинуть вас и уйти к Пьеро?

- Нет, - ни минуты не колеблясь, ответил профессор тоном человека, глубоко убежденного в своей правоте.

- Она наверняка постаралась бы уверить меня, что ребенок мой.

- И вы бы его признали?

- Почему бы и нет?

- Даже сомневаясь в своем отцовстве?

- Какая разница. Ребенок есть ребенок.

- И вы бы женились на матери ребенка?

- Я не видел бы в этом никакого смысла.

- Как, pq-вашему, Лулу попыталась бы женить вас на себе?

- Даже если бы и попыталась, у нее ничего бы не вышло.

- Потому, что вы бы не оставили жену?

- Просто я считаю все эти осложнения излишними и смешными. Я говорю все это совершенно искренне, поскольку считаю вас человеком, способным меня понять.

- Вы говорили об этом со своей женой?

- В воскресенье, после обеда, если не ошибаюсь. Да, в воскресенье.

После обеда я был дома.

- А почему вы ей об этом сказали?
- Я сказал об этом и моей ассистентке.
- Знаю.
- Ну вот, видите.

Профессор был прав, считая, что Мегрэ понимает его. Было что-то ужасно высокомерное и одновременно трагическое в том, как профессор разговаривал со всеми, как судил о людях и, в особенности, о женщинах.

Он принимал их такими, какими они и были на самом деле, не строя на их счет никаких иллюзий и не преувеличивая их способностей, ожидая от каждой лишь того, что она могла ему дать. В его глазах они стоили лишь немногим больше, чем неодушевленные предметы.

Он также не давал себе труда скрывать от них свои мысли. Какое это имело значение? Он мог размышлять вслух, не заботясь, как они это воспринимают, и еще менее заботясь о том, что они подумают или почувствуют.

- Как повела себя ваша жена?
- Спросила, как я намерен поступить.
- Вы заявили ей, что желаете признать ребенка? Он кивнул.
- А вам не пришло в голову, что это признание могло доставить ей боль?
- Возможно.

На сей раз Мегрэ почувствовал в голосе собеседника нечто такое, что до сих пор ускользало от него. В голосе профессора, произносившего это, возможно, слышалось скрытое удовлетворение.

- Вы это сделали намеренно? - атаковал его комиссар.
- Сказав ей это?

Мегрэ был убежден, что Гуэн предпочел бы не улыбаться, оставаться невозмутимым, но это было сильнее его, и впервые губы профессора раздвинулись в странной улыбке.

- В общем-то, вам даже понравилось, что вы вызвали такое беспокойство у жены и ассистентки?

По тому, с каким выражением лица Гуэн промолчал, было ясно, что он с этим согласен.

- Могла ли кому-нибудь из них прийти в голову мысль избавиться от Луизы Филон?
- С такой мыслью они уже давно сжились. Они ненавидели Луизу. Я не знаю человека, неспособного в определенный момент пожелать смерти другому человеческому существу. Только редко встречаются такие, что способны выполнить задуманное. К счастью для вас, комиссар!

Все сказанное было правдой, и именно это в беседе несколько ошеломляло Мегрэ. В глубине души с самого начала их встречи он думал точно так же, как и профессор. Их мысли о людях и мотивах их поведения были, в сущности, одинаковыми.

Различным был только подход к этой проблеме. С той лишь разницей, что Гуэн высказывал свои мысли вслух, а Мегрэ предпочитал молчать.

Гуэн обладал тем, что Мегрэ назвал бы холодным рассудком. Комиссар же пробовал... он сам себе не мог точно сказать, что он пробовал. Быть может, лучше понять людей ему помогало не только чувство жалости к ним, но и своеобразная симпатия.

Профессор смотрел на людей свысока.

Комиссар же старался смотреть на них, как на равных.

- Луиза Филон была убита, - сказал он медленно.
- Это так. Кто-то дошел до крайности.
- Вы задавали себе вопрос: кто это может быть?
- Это ваше дело, а не мое.
- А вы не подумали, что подозревать могут и вас?
- Конечно. Когда я еще не знал о вашем разговоре с моей женой, я все удивлялся, почему вы меня не допрашиваете. Консьержка предупредила, что вы мною интересуетесь.

И она тоже! А Гуэн считал все это в порядке вещей!

- В понедельник вечером вы поехали в больницу, но оставались у постели больного только полчаса.

- Я поднялся на пятый этаж немного отдохнуть в комнате, которая находилась в моем распоряжении.

- Вы там находились один, и ничто не мешало вам выйти из больницы незамеченным, взять такси и снова вернуться.

- В каком же часу, по вашему мнению, я выходил из больницы и вернулся обратно?

- К несчастью, между девятью и одиннадцатью часами. 4 - А в какое время приходил к Луизе Пьер Эйро?

- Без четверти десять.

- Выходит, я убил Луизу позднее?

- Пожалуй.

- Не считая времени, затраченного на дорогу, я не мог вернуться в больницу между десятью и половиной одиннадцатого, и Мегрэ сделал в уме подсчет. Профессор рассуждал логично. И комиссар почувствовал себя обманутым. Что-то выходило из-под его контроля, беседа приобретала иное направление, нежели он предвидел. Он стал ждать дальнейшего развития событий.

- Так получилось, господин комиссар, что в пять минут одиннадцатого один из моих сотрудников, доктор Ларю, поднялся ко мне. Он попросил меня спуститься на четвертый этаж; и осмотреть больного. Ни моя ассистентка, ни кто-либо из персонала моего отделения не могли вам ничего сказать - они просто об этом не знали. И речь идет не о показаниях взволнованной женщины, стремящейся избавить меня от хлопот, а о свидетельстве пяти или шести больных, в том числе и того, кого я осматривал, и который до этого меня не знал, и, скорее всего, до сих пор не знает, как мое имя.

- Я никогда не допускал, что именно вы убили Лулу. Но я ожидал, что вы постараетесь скрыть человека, совершившего убийство.

Это был сильный удар. На лице Гуэна появился румянец, и на какое-то мгновение профессор отвел свой взгляд от лица комиссара.

Раздался звонок в дверь квартиры. В комнату вошел Люка в сопровождении служанки. В руках у него был небольшой пакетик.

- Никаких отпечатков, - произнес Люка, разворачивая сверток и подавая револьвер комиссару.

Измученный беготней по городу, Люка смотрел то на Мегрэ, то на профессора, удивленный спокойствием, царящим в квартире, и тем, что нашел их на тех же местах и даже в тех же позах, как и оставил.

- Это ваш револьвер, мосье Гуэн, правда?

Оружие было изготовлено с фантазией - никелированный ствол, перламутровая рукоятка. Такой пистолет, если не стрелять из него в упор, вряд ли наделает больших бед.

- В обойме отсутствует один патрон, - пояснил Люка. - Я позвонил Гастен-Ренету, завтра он все проверит, но и сейчас он почти полностью убежден, что именно из этого револьвера стреляли в понедельник.

- Полагаю, мосье Гуэн, что ваша жена, да и ассистентка, имели доступ к ящикам вашего стола? Вы их не закрываете на ключ?

- Я ничего не закрываю на ключ.

Это тоже было свидетельством его неуважения к людям. Он ничего не скрывал. Его абсолютно не беспокоило, что кто-то мог рыться в его личных бумагах.

- Вы не удивились, застав в квартире в понедельник вечером свою свояченицу?

- Обычно она меня избегает.

- Она вас ненавидит, да?
- Это тоже один из способов разнообразить себе жизнь.
- Ваша жена заявила мне, что сестра зашла к ней совершенно случайно. Просто проходила мимо и решила заглянуть.

- Вполне возможно.

- Но Антуанетта во время допроса сказала, что сестра звонила ей сама и просила зайти.

Гуэн слушал внимательно, но его лицо не выражало никаких чувств. Он удобно расположился в кресле, и Мегрэ поразили длинные и тонкие пальцы профессора. Такие пальцы он видел лишь у пианистов.

- Садись, Люка.

- Хотите, чтобы принесли коньяк и инспектору? Люка отказался.

- Придется проверить одно утверждение вашей жены, и только вы мне можете помочь в этом.

Профессор кивком головы дал понять, что он согласен.

- В свое время у вас произошел сердечный приступ в квартире Лулу.

- Ну, с приступом несколько преувеличено, но правда.

- А правда, что ваша любовница, испугавшись, позвала на помощь вашу жену? Гуэн удивился.

- Кто вам это сказал?

- Не имеет значения. Это правда?

- Не совсем.

- Надеюсь, вы понимаете, что ваш ответ имеет большое значение?

- Я отдаю себе в этом отчет, особенно принимая во внимание манеру, в которой вы задаете вопросы, хотя не совсем понимаю, зачем вы так поступаете. В ту ночь я действительно плохо себя почувствовал. Я попросил Луизу подняться ко мне в квартиру и найти в ванной комнате пузырек с лекарством. Горничные уже спали, и дверь открыла моя жена, да и комната их находится на седьмом этаже. Жена помогла Луизе найти лекарство.

- Они спустились вместе?

- Да. Только к этому времени приступ уже прошел, и я выходил из квартиры Луизы.

- Минуточку.

Мегрэ сказал Люка несколько слов, и тот вышел из комнаты. Гуэн ни о чем не спросил и далее не высказал удивления.

- Когда вы стояли на пороге квартиры Луизы, дверь была открыта настежь?

- Нет, закрыта.

Мегрэ хотелось бы, чтобы профессор солгал. Он уже давно хотел услышать, как Гуэн пытается что-то скрыть, но тот был обезоруживающе откровенен.

- Вы в этом уверены? - комиссар давал ему последний шанс.

- Абсолютно.

- Выходит, по вашим показаниям, жена никогда не заходила в квартиру Луизы Филон?

- Вы ее не знаете, комиссар.

Но разве Жермена Гуэн не уверяла, что она только однажды имела возможность войти в квартиру Луизы Филон?

Значит, в ту ночь ее там не было. Зато, когда она спустилась, чтобы побеседовать с Мегрэ, то не покинула комнату заинтересованным взглядом, а вела себя так, словно прекрасно знала это место.

Это была ее вторая ложь, если считать, что она скрыла от комиссара известие о том, что Лулу ждала ребенка.

- Полагаете, что ваша жена все еще подслушивает за дверью?

Предосторожность комиссара запоздала, и Люка можно было не посылать наблюдать за дверью.

- Я в этом уверен... - начал профессор.

И в этот момент дверь комнаты открылась. Мадам Гуэн сделала два шага, ровно столько, чтобы оказаться прямо перед мужем и иметь возможность смотреть ему прямо в глаза. Никогда еще Мегрэ не видел в человеческих глазах столько ненависти и презрения. Профессор не отвернулся, он, не дрогнув, выдержал этот взгляд.

Мегрэ поднялся.

- Я вынужден арестовать вас, мадам Гуэн.

Все еще глядя на мужа, она произнесла почти рассеянно:

- Знаю.

- Полагаю, вы все слышали?

- Да.

- Вы сознаетесь в убийстве Луизы Филон?

Она только кивнула головой, и можно было подумать, что мадам Гуэн разъяренной фурией готова броситься на мужа, спокойно выдержавшего ее взгляд.

- Он знал, что так и произойдет, - наконец произнесла она прерывающимся голосом, тяжело дыша. - И я думаю теперь, если бы он этого не хотел, если бы не подталкивал меня к убийству, стал бы он все это говорить?

- Вы позвонили сестре, чтобы обеспечить себе алиби? Она снова кивнула. Мегрэ продолжал:

- Думаю, что вы спустились на четвертый этаж в то время, когда якобы отправились на кухню приготовить грог?

При этом вопросе она наморщила брови и перевела взгляд на комиссара.

Она явно колебалась, в ней чувствовалась какая-то внутренняя борьба.

Наконец она сухо произнесла:

- Это не правда.

- Что не правда?

- Что моя сестра оставалась в комнате одна. Мегрэ покраснел под полным иронии взглядом Гуэна, который явно должен был означать: "Ну, что я вам говорил?" Мадам Гуэн не могла вынести всей тяжести преступления.

Она могла ничего не сказать. Но сказала.

- Антуанетта знала, что я хочу сделать. В последний момент смелость меня покинула, и она спустилась со мной.

- Она вошла в квартиру?..

- Она оставалась на лестнице.

И через минуту таким тоном, словно бросала всем вызов, добавила:

- Пусть будет хуже! Но такова правда.

Ее губы дрожали от едва сдерживаемого бешенства.

- Теперь он сможет обновить свой гарем!

Мадам Гуэн ошиблась. В жизни профессора больших изменений не произошло. Несколько месяцев спустя с ним стала жить Люси Деко. Она продолжала оставаться его ассистенткой и секретарем.

Хотела ли она женить на себе профессора? Мегрэ этого не знал. Во всяком случае, профессор не женился вторично.

Но всегда, когда в разговоре упоминалось имя профессора Гуэна, комиссар делал вид, что не слышит, и поспешно переводил разговор на другую тему.

<http://book.zehinli.info>